

Оксана Юрьева
Райские
кущи

Оксана Юрьева

Райские кущи.

Шпионский роман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014477
ISBN 9785448549045*

Аннотация

Вторая летняя кампания 1855 года в рамках Крымской войны, развязанная Англией и союзными войсками на балтийском театре военных действий, в полном разгаре. Любопытство юной графини, случайно увидевшей фрегат под английским флагом у берега Финского залива, в пустынном месте, вдали от посторонних глаз, запускает новый виток шпионских игр разведок двух держав. А как же заманчивы интриги игры, когда в ней присутствует сердечный интерес...

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	49
Глава 3	79
Глава 4	96
Глава 5	125
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Райские кущи Шпионский роман

Оксана Юрьева

*Есть милая страна, есть угол на земле,
Куда, где б ни были: средь буйственного стана,
В садах Армидиных, на быстром корабле,
Браздящем весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей;
Где, чужды низменных страстей,
Житейским подвигам предел мы назначаем,
Где мир надеемся забыть когда-нибудь.
И вежды старые сомкнуть
Последним, вечным сном желаем.*
Е. Баратынский

Дизайнер обложки Мария Брагина

© Оксана Юрьева, 2017

© Мария Брагина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-4904-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Лизонька, душечка, крепитесь, ангел мой, – мягкий голос Яна Карловича утешал. Елизавета Дмитриевна Ланская сидела в кресле, напротив пустой постели ее батюшки, новопреставленного графа Дмитрия Евграфовича Ланского. Черное траурное платье с отложным воротничком глухо застегивалось, слегка сдавливая шею. Черные кружева покрывали белокурые волосы. Длинные изящные пальцы нервно мяти белый шелковый платок с кружевной каймой. Прошла неделя после похорон батюшки, так внезапно ушедшего. Ее любимого папа, единственного друга и защитника, баловавшего свое драгоценное чадо – ее Лизоньку, безмерно. Он заботился о ней всю жизнь, оставив после себя огромное состояние, наследницей которого Лиза и являлась. Ей не нужно было заботиться о своем будущем. Но папа рядом не было, ее папа...

Ян Карлович, бессменный управляющий делами покойного графа, добродушный толстый старичок с пышными седыми бакенбардами, стоял рядом и гладил Лизу по голове совсем, как в детстве, когда она чем-то огорченная безутешно рыдала, уткнувшись в его плечо. Вот и сейчас, слезинки неудержимо, одна за другой, текли по ее бледному лицу.

– Ян Карлыч, – Лиза взглянула на управляющего яркими голубыми глазами, в которых, делая их совсем прозрачными,

проявлялась влага всё набегающих слез, – что же теперь будет, милый Ян Карлыч? – и она тронула глаза платком, промакивая упрямые слезинки.

– Душечка, Лизушка, батюшка ваш, царствие ему небесное, прозорливый человек был, а уж вас любил, – Ян Карлович даже покачал головой в усилении им сказанного, – он ведь всё предусмотрел. Опекуна вам на годик назначил, чтобы вы в себя пришли, а через годик и свадьбу сыграем с женихом вашим, кузеном Алексеем. Придется смириться и новую жизнь уж без него начинать.-

– Ян Карлыч, какая мне без папа новая жизнь? Никто, ни опекун, ни жених мне не нужен. Мне и разницы особой нет, я и одна век проживу. За что господь отвернулся от меня? Почему он оставил меня одну на целом свете? Как жить дальше? Я... я право слово, да и зачем жить дальше..., – и юная графиня прижала к губам платок, пытаясь остановить новый приступ нахлынувшего отчаяния.

– Елизавета Дмитриевна, не гневите бога, путь наш им предначертан, значит, судьба вам такая, испытания посланы в начале пути вашего жизненного, – наставительно, но мягко произнес Ян Карлович, заботливо приобнимая вздрагивающие в безудержном плаче плечи Лизы, – послушайте старика, время свое берет и жизнь идет. Потерпите чуток, душечка, вы молоды, всё еще наладится. Я стар уже, а вы еще, Лизонька, неопытны в жизни совсем. Опекун вас поддержит, пока вы к новой жизни попривыкните, поможет вам на ноги

встать. Батюшка ваш так и рассчитывал, через годок, в осмнадцать лет вас в большую жизнь пустить.-

– Ах, Ян Карлыч, но друга не будет рядом, как папа... А если этот опекун еще и вредным старикашкой окажется, – совсем по-детски вскинулась Лиза, обращая взор своих огромных глаз на управляющего.

– Так я рядом, душенька моя, уж мы его! – и Ян Карлович, так комично, потряс пухлым кулачком, что Лиза сквозь всхлипы улыбнулась, и на душе у нее стало спокойней...

Часть I

ЛЕТНЕ-ОСЕННИЙ СЕЗОН

Глава 1

Прошло еще две недели. Июнь зацвел буйными красками первого месяца лета, щедро одаривая разнотравьем окрестные луга, наполняя птичьи гомоном лесные глубины. Но и переменчиво северное лето. То холодным ветром из дальних снегов пройдет по просторам суровых широт, хмурая небо серыми тучами, то жарким солнцем обернется, заставляя крестьянина оторваться от работы, разогнуть спину и вытереть липкий пот со лба. Хотя капризы северного лета – ой ли, помеха для движения людской жизни? И соловьиные трели будоражили ночами юные души, заставляя замирать в предчувствии самого тайного и самого желанного, которое сбудется, случится, обязательно придет. Трепетало юное сердце в ожидании, трепетало и радовалось в уверенности благоприятного и скорого конца ожидания. Быстро пролетел, несмотря на переменчивое баловство погоды, тем не менее, ласковый месяц и уступил свое время верхушке лета – уж точно томному июлю, который под летними дождями приносил свои дары – грибные сборы и поляны души-

стой земляники. Время так быстро летело, устремляя за собой ход бытия...

Лиза прыгнула с лошади и, громко стуча сапогами по мрамору ступеней крыльца, вбежала в огромный вестибюль Большого дворца. Стремительно пройдя по нижнему коридору левого крыла, она подошла к кабинету папа, и уже хотела распахнуть массивную резную дверь кабинета, как услышала странные звуки. Лиза секунду постояла, прислушиваясь, не обманывается ли она. Легкий игривый девичий смех и тихий полусшепот. Не наваждения ли, модным словом обозначаемые – слуховые галлюцинации, посетили ее. Да нет, всё так явно слышится. Что-то точно происходило в конце коридора, у застекленного полукруглого подиума маленького зимнего сада, среди резных листьев пальм, в зелени редких тропических растений, растущих в искусно обставленных камнем огромных кадках. Лиза отступила на шаг назад от двери в кабинет, внимательно всматриваясь вглубь маленького сада, пытаясь обнаружить причину, столь непонятных звуков и... застыла на месте, в самом, что ни на есть, понимании данного выражения, застыла, поскольку просто не поверила своим глазам. Возмущение от увиденного постепенно заполняло всё ее существо, округляя при дальнейшем созерцании происходящего и без того большие глаза, заставляя брови подниматься в неприятии этого происходящего прямо сейчас, пред ее очами, в зеленом оазисе любимого зимнего сада. Совершенно незнакомый парень, уж

очень... Лиза с трудом подбирала слово, перебирая в голове возможные вариации, чтобы описать то, что... или вернее того, кто предстал ее глазам.

«А, — полетели снова мысли, — незнакомец, уж очень экзотического вида». С пшеничного цвета усами и торчащим белобрысым чубом из-под мохнатой папахи, лихо заломленной на затылок, в потрепанной, местами залатанной черкеске казака терского войска и чувяках из кожи дикого кабана щетиной наружу. Такой вот казак почти прижал Глашу к стеклянной стене, да какой почти! Просто прижал и что-то совершенно интимно говорил ей на ухо, иногда щекой касаясь Глашиной щеки. А Глаша? Строгая, всегда собранная молчунья Глаша, из которой лишнее слово-то вытянуть проблема, а не то, что пустой смех, стройная высокая темноволосая красавица, гордячка и недотрога. Она-то и издавала эти, режущие слух, непристойные звуки, тихонько похихикивая, да еще неотрывно глядя на парня, как замороженная, словно опоенная нашептанным напитком или очарованная полной луной. Возмущенная Лиза даже и не знала, как реагировать на зрелище, выходящее, по пониманию благовоспитанной девушки, за рамки приличия.

— Глаша! — наконец властно окликнула она девушку. Та, словно очнувшись от наваждения, испуганно глянула на Лизу и шустро скользнула под рукой парня, которую он тут же убрал со стены, и ничуть не смущаясь, абсолютно спокойно, даже не скрывая любопытства, рассматривал уже обеих де-

вушек.

– Ой, барыня, а я ищу вас, – чуть слышно пролепетала Глаша. Она выглядела такой смущенной, словно ее застали за жутким непотребством.

– Я вижу, – хмыкнула Лиза, – беги ко мне в кабинет и жди меня там.-

Глаша прошмыгнула мимо Лизы, опустив глаза, не пытаясь что-то сказать ей в оправдание.

«Барыня гневается», – читалось отчетливо на ее лице, и она не скажет ни слова, чтобы не навлечь еще большего гнева на свою провинившуюся голову. Зато парень в черкеске вызывающе ухмылялся, поглядывая на Лизу, на что она ответила презрительным взглядом и решила просто никак не реагировать на вызывающе самоуверенного казака.

«И откуда он взялся такой неприятный, – пронеслось в голове, – нужно узнать у Яна Карлыча, может из Петербурга с чем прибыл этот казак, тогда и отправить назад поскорей.»

Уж очень не понравился Лизе Глашин смущенный вид, неужели за живое задело.

Вся с головой в этих мыслях, она открыла дверь в кабинет папа и... застыла в полнейшем замешательстве. У огромного окна, начинающегося практически от пола, стоял статный молодой мужчина. Светло-серый сюртук плотно облегал его атлетически сложенную фигуру. Ослепительно-белый воротник блузы подчеркивал природную легкую смуглость кожи, говоря, наверняка, о присутствии в незнакомом

субъекте не только северных кровей. Галстук, завязанный под воротником, поблескивал металлом шелковой ткани от-тенка, ровно на тон темнее сюртука, как того требовала мода нынешнего сезона, придавая особую элегантность всему костюму. Аккуратно подстриженные и зачесанные со лба темные волосы кудрявыми прядями лежали вокруг лица, спадая к широким плечам. Обе створки легкой двери, являвшейся продолжением окна, по-летнему открыты настежь. Сквозняком приподняло газовую штору, прикрывающую дверь, что несколько отвлекло Лизу. Она привычно скользнула взглядом по небольшой каменной лестнице, прорывающей целостность металлической ограды балкончика, опоясавшего этаж по фронтальной части здания, лестнице, позволявшей владельцу кабинета выходить сразу к фонтану, высокие струи которого били высоко вверх, опадая мириадами брызг в резную чашу из белого мрамора прямо напротив огромного окна кабинета.

Мужчина, в свою очередь, удивленно глядел на Лизу, в глазах отчетливо читался немой вопрос:— кто это? —

«До чего ж глаза большие и яркие, ярко-серые в кругах вокруг черных зрачков. Пронзительные какие», — моментально пронеслось в Лизиной голове, неведь каким образом, пришедшие на ум мысли, отродясь Лизу чьи-то глаза не трогали, а тут, вдруг, заметила.

Лиза еще раз взглянула на гостя. Мужчина был явно неординарной внешности и: «даже определенно красив», — робко

отметила про себя она. Это обстоятельство, как и собственные мысли, смутили Лизу. Замешательство затянулось. Лиза смотрела, не отрываясь на незнакомца, мужчина не отводил глаз, спокойно вглядываясь в нее.

— Лизушка, что за вид? — Лиза вздрогнула. Добродушный голос Яна Карловича вернул ее к действительности. А она ведь даже не заметила его, сидящего в большом кресле у незажженного, ввиду отсутствия в том необходимости, камина. Да, с сим фактом не поспоришь — вид у нее этим утром был ужасен. Вчерашний ливень, стеной поливавший окрестности, изрядно размыл дорогу и лесные тропинки, покрывая их множеством луж, кое-где превращая в небольшие болотца. Забрызганные грязью, почти по колено, ботфорты, обычные кавалерийские рейтузы, правда, по-гусарски, обшитые с внутренней стороны черными кожаными лямками, простая блуза из невыбеленного льна, больше похожая на крестьянскую рубаху, подпоясанная широким кожаным поясом и замшевая душегрейка, подбитая лисьим мехом. После еще и ночного дождя было довольно прохладно, а в путь она отправилась, как всегда, ранним утром, когда полоска красного зарева зари только показалась над горизонтом. Белокурые волнистые волосы, небрежно заплетенные в косу, как у простых дворовых девушек, пришли в совершенный беспорядок во время блуждания по утреннему лесу и прядями выбивались, обрамляя лицо.

— Ах, Ян Карлыч, оставьте, нормальный вид. Я просто

не ожидала встретить кого-либо в такой час в кабинете папа, – Лиза пришла в себя, отрываясь от пристального изучения незнакомца.

– Лизонька, граф Андрей Николаевич Черменский – ваш опекун.-

Только теперь Лизу осенило. Действительно, Ян Карлыч предупреждал с вечера о его приезде, но она совсем забыла об этом.

– Вы пропустили завтрак, сударыня, – наконец, она услышала голос новоявленного опекуна. Слова, произнесенные менторским тоном, прозвучали высокомерно, как будто строгий родитель отчитал свое чадо, посмевшее нарушить один из негласных законов сосуществования членов семьи. Замечание ее возмутило. Нет, легковесно сказано, оно вывело ее из себя, мгновенно приведя в состоянии готовности отрицания и даже противодействия любому дальнейшему вторжению в ее устоявшееся бытие. И честно, она просто не знала, что сказать. Такой подарок от покойного папа. Опекун совсем молодой, наверняка всего-то тридцать с небольшим и сразу такой наставительный тон, претензия. Какое он имеет право, так разговаривать с ней, да еще что-то предъявляя!

– Хорошо, – выдохнув, но держа себя в руках, спокойно сказала Лиза, – на обеде меня тоже не будет, у меня дела на реке.-

«Сноб столичный», – тем не менее, продолжала возму-

щаться про себя Лиза и небрежно бросила вслух: – я думаю у вас здесь и так прекрасная компания в лице Яна Карлыча.-

Собственная дерзость, высказанных в запале слов, окончательно привела ее в чувство и, не обращая внимания на опекуна, она подошла к шкафу с полками набитыми до самого верха различными книгами.

– Ян Карлыч, вы папенькин альбом не видели? – уже, как ни в чем не бывало, спросила Лиза.

– Какой, душечка? – живо поинтересовался Ян Карлович, обращая к ней свое круглое лицо в обрамлении пышных бакенбард.

– Его зарисовки английских парусников, который он из Англии привозил. Сегодня утром я видела в море корабль под британским флагом, вот, окончательно, не уверена в типе судна.-

– Что вы делали на берегу? – продолжал строжиться опекун, вступая в их разговор, вызывая немедленное раздражение Лизы, – если не секрет, – неожиданно чуть мягче добавил он.

«Ага! – пронеслось в голове Лизы уже готовой к новому дерзкому ответу, – значит, до этого сноба понемногу доходит с кем имеет дело».

– Да нет, не секрет, – равнодушно, подчеркнуто делая одолжение своим ответом, продолжая поиски, бросила Лиза, принципиально не обращая больше взор на опекуна, – там выходы карстовых пород в скалах, где-то рядом могут быть

друзы кристаллов, может что-то из полезных камней найдется.-

– Очень занятно, – лишь промолвил опекун, не пытаясь скрыть своего удивления от услышанного, словно стоящее перед ним белокурое создание и произносимое ею, совершенно, в принципе, не могло иметь отношение к тому, что оно произнесло сейчас. Он внимательно посмотрел на Лизу и, кажется, наконец, осознавая, что всё действительно есть, так как есть, и белокурая особа – вполне серьезная особа, и ее слова заслуживают его доверия, уже заинтересованно добавил: – мачт сколько? —

– Каких мачт? – не поняла Лиза, несколько отвлеченная от темы.

– У корабля сколько мачт? —

– Три, – пожала плечами Лиза, продолжая перебирать альбомы, стопками лежащие на широкой нижней полке массивного дубового шкафа.

– Вы внимания не обратили, на колесном ходу корабль был или только под парусами? – между тем продолжал расспросы опекун.

– Да нет, просто корабль под парусами, более я ничего не отметила, – вопросы графа начали раздражать, возвращая внутреннее противление данному господину.

«Знаток, – фыркнула про себя Лиза, – лучше бы я про корабль при нем и не упоминала.»

– Значит фрегат, старый добрый английский фрегат,

до сих пор еще серьезная боевая единица в военном морском флоте любой страны наряду с новейшими типами, – задумчиво, словно зачитывая строчку из какого-то донесения и, тут же делая для себя определенные выводы, произнес опекун, – не ищите альбом, это точно фрегат. И часто английские фрегаты заходят в ваши воды? —

– Я наблюдаю его уже четвертый раз за последние две недели, примерно в одно время утром, – уже почему-то с вызовом произнесла Лиза. Слишком быстро разобрался ново-явленный опекун с интригующим ее вопросом. А тот, казалось, всё глубже уходил в свои размышления, что-то явно прокручивая в своей небезынтересной голове, бросить взгляд, на которую, так и тянуло, и понимание этого факта раздражало еще больше.

– Очень занятно, – совсем задумчиво протянул опекун, – а почему вы вообще обратили внимания на парусник? – вдруг интересом блеснули его глаза в коротком взгляде, брошенным на Лизу.

– Простите, граф, вы действительно полагаете меня наивной, недалекой девочкой? Корабль под флагом ее Величества королевы Британии у наших берегов, – она чуть скривила губы, – завтра я непременно буду там снова.-

– И почему решительно завтра? – осторожно спросил опекун, словно боясь, что каприз юной и явно взбалмошной барышни не даст ему требуемого ответа. Но Лиза решила быть снисходительной, ей уже стало самой любопытно, что

так усиленно прокручивал сейчас в своих мозгах этот, так неожиданно, вторгшийся в ее жизнь человек.

– Ранее, когда я шла вдоль берега к интересующему меня месту в скалах, корабль только приближался к нашему берегу, а когда я возвращалась, он уже терялся на линии горизонта, но сегодня всё было иначе. Корабль уже стоял у берега и не покинул того места всё время, пока был у меня на виду. Надеюсь, я удовлетворила ваше любопытство? Кстати, – Лиза смело взглянула в глаза опекуна, – вы, когда обратно в Петербург, молодому человеку вашего круга скучно будет в нашей глуши. –

– Наверное, вы правы, – согласился тут же опекун, с легкостью отвлекаясь от, казалось бы, глубоко задевшего его вопроса с кораблем, неся разочарование уже совершенно заинтригованной Лизе, – но время покажет. –

– Ну, так, как вернетесь в столицу, сделайте любезность, пришлите, пожалуйста, с нарочным издание господина Фарадея «Об электромагнитной индукции.» Желательно на русском языке, мой английский совсем слаб, впрочем, как и французский, мы же в глуши выросли. –

– Лизонька, душечка! – только и воскликнул Ян Карлович.

– Вот в немецком, пожалуй, я и сильна, спасибо Яну Карловичу, – не обращая на возглас внимания, добавила Лиза, – пожалуйста, не забудьте, господина Фарадея – английского естествоиспытателя. Вас, я так подозреваю, больше кораб-

ли интересуют, вы, как я полагаю, по военной части больше, может, в блокнотик запишите название? —

— Обязательно, сударыня. Вы правы, больше по военной части, но с удовольствием выполню вашу просьбу и незамедлительно, — не меняя выражения лица, невозмутимо заметил опекун, — интересное чтение, я, правда, ознакомился с ним в английском варианте.-

Лиза даже чуть поперхнулась, судорожно глотнув воздух, и несколько смутилась, услышав такое, но тут же пришла в себя.

— Что ж, возможно нам будет, что обсудить, — надменно приподняв подбородок, бросила она и направилась к резной двери кабинета.

— Елизавета Дмитриевна, подождите минутку.-

— Еще что, — вскинулась Лиза. Ее всё больше возмущал этот столичный сноб, его приказной тон, металл в голосе, словно он не у Лизы в имении, а на плацу и муштрует этих бедолаг новобранцев-рекрутов, но и потом... его внешний вид... щегольской сюртук... Она видела таких на светских раутах. Напомаженный франт, столичный денди, переходящий приз от одной светской дивы к другой, пустой охотник за куртуазными интрижками. Неприязнь волной нахлынула на Лизу, погребая под собой все проблески доброго отношения, и уже любое его слово она воспринимала, как вызов: — что изволите, сударь? — Лиза резко обернулась и посмотрела прямо на опекуна.

– Елизавета Дмитриевна, не будете ли так любезны, завтра показать то место, где вы видели фрегат.-

– Может, мне вам просто объяснить? – язвительно спросила Лиза.

– Вы предпочитаете делать такие вылазки в одиночестве? – в голосе графа снова послышались металлические нотки, – с сегодняшнего дня, как ваш опекун, ответственный за вашу судьбу с сего момента до замужества, я запрещаю вам одиночные вылазки. Прогулки за пределами усадьбы исключительно с моего разрешения и в сопровождении выделенного мной человека. Я полагаю, вы просто не отдаете себе отчета в серьезности положения в данном районе.-

Лиза со злостью убрала прядь волос со лба: – ну, это мы еще посмотрим, вы же всего полагаете? – и четко слышимый вызов прозвучал в ее словах наперекор произнесенному графом. Она, резко рванув дверь на себя, вышла из кабинета.

– Вот и познакомились, – только и проговорил несколько растерянно вслед опекун.

– Голубчик, Андрей Николаевич, я даже не знаю, что сказать, – развел руками Ян Карлович, – покойный граф в Лизоньке души не чаял. Поздний брак, разница с матушкой Лизы больше чем в два раза, поздний единственный ребенок. Баловал ее безмерно. Ей бы женская ласка для воспитания, но знаете, ее матушка умерла, когда Лизе только второй годок пошел. Покойница, царствие ей небесное, была кротким созданием, богобоязненным. Лиза – чертенок в юбке.

Да и не всегда в юбке, – робко поправился он, – вы же сами выдели, всё французские модные журналы.-

– Да уж, – ухмыльнулся Андрей Николаевич, – как же стремительно французская мода затягивает наших эмансипированных барышень.-

– Ее батюшка не препятствовал, – тихо пояснил Ян Карлович, – девица Надежда Дурова награды из рук самого Кутузова получала, пока щеголяла в гусарских чикчирах, а они куда бесстыдней кавалерийских рейтуз – говаривал покойный граф. Нет, даже не это приводило его в уныние. Он гораздо более сокрушался, дивясь всё ее неумной жажде познаний. Вы не поверите, в Петербурге, однажды, уже совсем собравшись на бал, в вечернем платье умчалась в Академию наук смотреть какие-то диковинные кости древних чудищ, привезенных с севера. Она ведь совсем не интересуется замужеством, как все девушки ее возраста. А время-то идет, осьмнадцатый годок чай пошел. Ох, как же граф Ланской мучился по этому поводу, боялся, что его дикое чадо в девках засидится. Вот и договорился о ее браке с кузеном, сыном сестры своей покойной супруги, – искреннее отчаяние сквозило в словах Яна Карловича, давая понимание Андрею Николаевичу, как безмерно был привязан старый управляющий к юной графине, словно болящая душа отца говорила сейчас в нем, полная забот о своем любимом родном чаде.

– Но довольно близкое родство, странно, – обратил свой взор на Яна Карловича граф.

– Я тоже думал об этом, – всплеснул совершенно по-бабьи пухлыми руками управляющий, и с горечью опустил их на колени, – скорей, тут все решило его безмерное чувство к покойной жене, вот и дочку он непременно хотел видеть связанную именно с этим семейством.-

– Ян Карлович, насколько я знаю, свадьба должна уже была состояться, что заставило графа отложить сие событие на целый год? Почему покойный Ланской назначил меня опекуном Лизы? Год и вы могли быть ей опорой, – Андрей Николаевич сложил руки за спиной, на лбу четко обозначились складки. Как всё непонятно было ему сейчас в этом маленьком мирке семейства Ланских, громкой фамилии, в который так неожиданно закинуло его судьба волей его друга и без преувеличения сказать – наставника, покойного графа Ланского.

– Не знаю, голубчик, – вздохнул Ян Карлович, – батюшка Дмитрий Евграфович за месяц до кончины поменял свое завещание. Дочка выйдет за кузена, но через год после смерти отца. На год опекуном он назначил вас. Теперь в течение года вы распоряжаетесь средствами Лизы, как единственной наследницы, ну и ее судьбой тоже.-

– Непонятное решение, – складки на лбу сошлись еще ближе.

– Да, непонятное, – согласился Ян Карлович, кивая головой – его из Петербурга больного привезли, очень плох он был после апоплексического удара, мало уже чего говорил,

да и соображал. Весь такой взволнованный, метался в горячке, а завещание он еще в Петербурге переписал, будучи в здравом уме, вызвав намеренно стряпчего. Всё законно и неоспоримо.-

— Что же его подвигло на это? — граф подошел к огромному окну, задумчиво разглядывая через прозрачное стекло чашу фонтана.

— Ох, голубчик, Андрей Николаевич, теперь это только богу ведомо, а не нам грешным, — пожал плечами Ян Карлович...

Лиза в свойственной ей манере, перепрыгивая через ступеньку, быстро поднялась по главной лестнице Большого дворца, выйдя из нижнего коридора крыла, ранее которым пользовался ее покойный папа.

«И что за беда на мою голову», — мысли, так и кружили в голове хороводом, нагоняемые раздражением, вызванным неожиданной встречей.

Она прошла верхнюю площадку главной лестницы и очутилась в своем крыле.

«Как же, целый год терпеть этого сноба, ишь раскомандовался!»

Пересекла анфиладу комнат и, оказавшись в танцевальном зале, поднялась по боковой лестнице на второй этаж.

«Нет, судьба точно насмехается надо мной».

Дверь в кабинет-библиотеку была первой в ее владениях. Он существовал отдельно от идущих дальше будуара, спаль-

ни, ванной и туалетной комнат. Лиза весьма была удовлетворена фактом обладания, столь необходимого девушке-эмансипе, собственного кабинета. И вообще, зачем образованной женщине нужен будуар – этот пошлый предмет ушедшей эпохи, используемый всего лишь для собраний безмозглых сплетниц-подруг владелицы сей никчемной комнаты. О том, что в будуаре можно принимать и не только женщин, и вполне тайно, вкушая всю прелесть завязавшейся интриги, да кто-ж ей такое объяснил бы... Нет, только кабинет, исключительно деловое место времяпровождения разносторонней девицы современной эпохи, которое исключительно подходило для обязательного и с удовольствием, с полным моральным удовлетворением, изучения всех, абсолютно всех, последних мировых новостей. Всех, информацию, о которых приносили периодические печатные издания из столицы. Лиза даже нарочного отправляла каждые два дня в Петербург, чтобы он привозил периодические издания, приходящие по подписке в Петербургский дом Ланских. Она собрала неплохую библиотеку фолиантов мыслителей и ученых всех времен. Если чего не доставало в ее библиотеке, она просто заказывала в Петербурге.

«Ладно, время покажет, кто еще плакать горячими слезами будет», – и Лиза, глубоко вздохнув, немного успокоив себя последней мыслью, толкнула изящную резную дверь своего кабинета.

Глаша ждала ее. Глаша – подружка детства, дочь старо-

сты сельской общины. Сельская община – еще одно не очень понятное и не очень одобряемое соседями – помещиками нововведение графа Ланского. Именно он настоял на создании общины и не мешал в избрании ее старосты. Глаша с отцом часто посещала усадьбу и в своей любознательности познания окружающей природы и жизни не уступала молодой графине. Еще детьми они сблизились, вместе обшаривая в поисках интересного окрестные леса. Глаша потакала всем прихотям Лизы, снабжая ее своими простыми деревенскими нарядами, чтобы не привлекать лишнего внимания в походах за пределы усадьбы. Расшитыми собственной рукой сарафанами и, приобретенными на Петербургской ярмарке платками, цветастыми и яркими по самой последней моде, считающихся особенным шиком сельских молодых и девок, хотя Лиза все-таки предпочитала практичный мужской костюм.

– Вы об нас заботитесь, учитель и дохтор вашими стараниями у нас в селе держатся, так уж не откажите, примите и от нас с уважением, – приговаривая, протягивала Глаша Лизе очередной подарок. Разве после таких слов можно было отказать? Ну и конечно, последние новости и даже сплетни из сельской жизни крепостных графа Ланского, уже как приложение к подарку или просто для поддержания разговора.

– Глашенька, ну, рассказывай, – Лиза плюхнулась на обитый бархатом темно-вишневого цвета диван, увлекая за собой Глашу, беря ее за белоснежный рукав сорочки выбелен-

ного льна, с цветной тесьмой по краям, – ты же так просто никогда не заскочишь, я уже тебя сто лет не видела. Где пропадала, что интересного в селе? —

– Ой, Елизавета Дмитриевна, меня брательник Петр отправил. Мужики бунтовать задумали. Гудят всюду, – охотно начала Глаша, в страстях рассказа прижимая к груди руку, заглядывая с тревогой в Лизины глаза.

– И по какому поводу? – Лиза заволновалась. Новости о крестьянских бунтах очень часто доходили до нее. И это было прямо-таки стихийное бедствие, могли ведь и усадьбу поджечь, а что еще хуже и расправиться с ее обитателями. Да вот, как раз. Прошлый год, управляющего помещьем соседей вилами поранили, ужасный был случай, сколько жандармов в поместье тогда прибыло. Лиза с папа посетили сразу соседей вынести свои соболезнования, слава богу, тогда соболезнования не понадобились, оклемался управляющий, в постели только пару недель провел, но случай этот беспокойства всем окрестным усадьбам добавил, бунт – еще та зараза, там полыхнуло, гляди, казалось бы, на пустом месте и у тебя полыхнет.

– Ну не томи, что случилось, вроде всё спокойно было, никто у нас не баламутил, – обратила Лиза потемневшие, полные тревоги глаза на Глашу.

– Так не дает Ян Карлыч разрешение уходить на заработки, – уверенно выдала Глаша, прекрасно осведомленная обо всем происходящим, – вот и сидят мужики в селе, и затыл-

ки чешут, как оброк платить, да и что делать? Мужики ругаются на вас, Елизавета Дмитриевна, уверены, что после кончины вашего папеньки, царствие ему небесное, – и Глаша истово перекрестилась, – вы всем заправляете. А еще говорят, что вы к старому повернете, к барщине, так ведь сподручней соки все выжать из мужиков. Ну, а бабы некоторые, уже и в открытую болтают, что ваше ведьминское нутро свое требует – извести души христианские, – Глаша даже понизила голос, полушепотом объясняя последнее, как будто копируя разговор каких-то определенных баб. Лиза отшатнулась от нее и скептически заглянула ей в лицо.

– Что за глупости, Глаша, ты-то уж знаешь, чем я в усадьбе занимаюсь, – возмущенная Лиза и вовсе поднялась с дивана и заметалась по комнате. Глаша лишь покачала головой, участливо смотря на нее, словно жалея, что и помочь ничем не может в такой непростой ситуации, и ненароком еще добавила масла в огонь.

– Ну да, говорят, что ваша няня во всем виновата, ведьминская порода – и мать ее была ведьмой – по лесам всё шарилась окрестным, а бабка ее, так вообще, лунными ночами голая на метле летала.-

Лиза от таких слов резко застыла на месте с возмущением, глядя на Глашу, а потом снова сорвалась с места.

– Бабы, бабы всегда глупости болтают, – металась она по комнате, приговаривая, – если знаешь, какую траву от мигрени сорвать и, как из нее настой запарить – уже ведь-

ма, – наконец, Лиза резко остановилась напротив Глаши, – Глашенька, да и насчет заработков, ты ничего не путаешь? Я такого распоряжения не давала. Я даже с Яном Карлычем это не обсуждала, – заглядывая в глаза Глаши, пытаюсь донести до нее истинность своих слов, проговорила Лиза. Да Глаша-то верила, как всегда верила и во всем юной барыне.

– Ой, не знаю, Лизавета Дмитриевна. Я только то, что мне Петр просил передать, то и рассказала, – протянула с сожалением она, – вот истинный крест, – Глаша опять истово перекрестилась, – еще, что б знала – всё открыла, не таясь.-

Лиза лишь выдохнула, что еще за беда свалилась сегодня на ее голову? Сегодняшний день просто изобиловал какими-то недоразумениями, причиняющими ей душевные терзания, что он так не задался? Опекун этот и вот... Никогда у графа Ланского не возникало проблем со своими крепостными. Граф был большим либералом во всех вопросах, касаемых его крестьян и очень трепетно следил за состоянием дел в сельской общине. Он первым среди окрестных дворян ввел прогрессивный оброк, давая возможность крестьянам, в этом скудном на урожай краю, ходить на заработки, все-таки обеспечивая какую-то их часть работой на своих небольших, но довольно прибыльных предприятиях -сыроварни, маслобойке и кирпичном заводе. Лиза застыла, молча, под внимательным взглядом Глаши, а потом, встрепенувшись, словно решив для себя все окончательно твердо произнесла: – Глашенька, ты вот, что Петру передай. Я обяза-

тельно разберусь с этим делом. Пусть Петр с отцом мужиков попридержит. Передай – никому не нужно все это, я обязательно разберусь и мужикам все объясню. Ты пока ступай, Глаша, я тут порешаю и в село приеду.-

– Ой, барыня, страх-то какой, колобродят мужики, страх, как колобродят, – все-таки добавила жути неуспокоившаяся Глаша, а потом, видя непробиваемое лицо Лизы, быстро добавила, – ну, я тогда побегу Петру и бате все обскажу, – она живо подскочила с дивана, но тут же остановилась, – ой, чуть не забылась. Батя просил, если такая оказия сыщется, к нему пожаловать, что-то его опять колики мучают. Капли, что вы, Лизавета Дмитриевна передавали, очень ему помогли, той раз.-

– Хорошо, Глашенька, вот я в село и наведаюсь, постараюсь скоро быть, – приобнимая подругу, потащила Лиза, охваченная азартом действия в решении возникших проблем, Глашу к двери. Болтая, привычно, уже о всяких пустяках, они спускались по главной лестнице. Белобрысый казак, который возмутил своей неприкрытой самоуверенностью Лизу, не менее свалившегося, так неожиданно, на ее голову опекуна, откровенно пялился на Глашу, опершись на стену около входа в нижний коридор.

– Я собралась за ягодой. Малина нынче хороша, ты пойдешь со мной? – продолжила разговор Лиза, не отвлекаясь на, подпирающего стену с независимым видом, казака. Но Глаша молчала, как рыба об лед, увлеченная более ей ин-

тересным. Лиза еле сдержала вздох.

– Глаша, ты меня слышишь? – строгим тоном обратила она внимание Глаши на себя.

– Да, да, Лизавета Дмитриевна... конечно... ягоды крупные, очень хороши..., —

Глаша, путаясь в словах, запинаясь, смущенная, но, похоже, весьма довольная откровенным изучением, о чем красноречиво свидетельствовали моментально зардевшиеся щеки девушки, опустила глаза под пристальным взглядом казака. Лиза, лишь сжав губы узкой полоской, демонстрируя захватившее ее внутреннее недовольство, но упорно игнорируя чужака, чуть приобняла Глашу:– передай, скоро буду, – напомнила громко она той и, словно мимо пустого места, прошла перед белобрысым парнем, шагнув в коридор. Обернувшись у дверей кабинета, она лишь увидела, как парень отпускает руку убегающей Глаше, что-то говоря ей вслед.

– Да, – все-таки вздохнула Лиза, мир перевернулся – ее подругу явно заинтересовал этот наглец.

В кабинет она влетела, отбросив все сомнения и страхи, полная решимости разобраться, что все-таки происходит в ее владениях и, если Яна Карлыч не считает нужным ставить ее в известность, принимая заведомо не правильные, не устраивающие ее совершенно решения о каких-то нововведениях, да еще грозящих нарушением спокойствия ее имения, то...

– Ян Карлыч, что сие значит? – грозной фурией набро-

силась Лиза на, так и сидящего в кожаном широком кресле напротив камина, Яна Карловича, – что за самочинные действия, уж от вас-то я никак подобного не ожидала.-

– Елизавета Дмитриевна, душечка, о чем вы, помилуйте? – Ян Карлович оторопело развел руками, – я, право слово, в недоумении, – он выглядел таким растерянным и действительно совсем не понимал о чем идет речь, но Лиза не собиралась жалеть его и была непреклонна. Тем более в присутствии всё более раздражающего ее новоявленного опекуна, который, молча сложив руки за спиной, так непринужденно следил за ее действиями. Она не удержалась и слегка, самым краешком глаз, скользнула по нему взглядом. Неужели она не ошиблась? Кажется, в его глазах мелькнула тень насмешки, но ведь она здесь – полновластная хозяйка, и какое он имеет право насмехаться над ней? Она окончательно обратила свой взор на смотрящего на нее в полном непонимании Яна Карловича.

– Мужики бунтовать задумали, а вы в недоумении? Кто дал вам распоряжение о наложении запрета на их хождения на заработки? – трясла она несчастного старика -управляющего.

– Вообще, это мое прямое указание, – раздался за спиной Лизы голос опекуна. Лиза застыла на месте, сдерживая дыхание. Конечно, а она еще кипишевала, греша на бедного Яна Карловича

– Что ж, сразу можно было догадаться, – сквозь зубы про-

изнесла Лиза, незамедлительно поворачиваясь к опекуну, сжимая губы узкой полоской.

«Опять вы!» — всем видом говорила она.

— И на каком же основании? — иронично произнесла она, четко проговаривая каждое слово.

— На основании моего права, обозначенного в завещании вашего батюшки, отвечать за вас и распоряжаться вашим имуществом в течение сего года, — открыто улыбнулся ей опекун, — поверьте, Елизавета Дмитриевна, я не принимаю непродуманных решений. Вы — молодая девушка и, как бы точнее выразиться... пусть это и звучит грубо, женского рода. Вопрос сложный и требует принятия жестких решений, как и жесткого общения с мужиками, что конечно исключает участие женщины при данных обстоятельствах... —

Лиза не собиралась слушать дальше этот бред о слабом поле, возникающий на непонятно каком основании, в головах вот таких надменных мужланов, уверенных в своем праве, полученном непонятно откуда и данных им — кем только, руководить всем и всеми, особенно слабым полом, в этом мире. Она твердо перебила опекуна: — с чего это вдруг, я прекрасно ознакомлена с теорией господина Адама Смита и ... —

— Милая Елизавета Дмитриевна, — граф не дал ей развить тему, в свою очередь настойчиво, но вежливо перебивая ее, и голос опекуна прозвучал неожиданно мягко, даже нежно, — я повторяю, вопрос очень глубокий и сложный и вообще, —

он подошел к Лизе, склонив голову, с высоты своего роста заглядывая ей в глаза, – неужели у юной особы, барышни ваших лет есть желание заниматься такими скучнейшими материями, как экономика ведения усадебного хозяйства? —

– Да, граф, удивлю вас, – Лиза категорически не желала сдаваться, пленяясь его откровенными поддавками, этим нежным воркующим голосом и вдруг мягкой учтивости его обращения, – и поверьте, горячее желание живейшего участия.-

Слова Лизы заставили опекуна несколько напрячься, а в глазах на мгновение проявился холод: – хорошо, – в его голосе прорезалось некоторое раздражение, гася любезные нотки, – я объясню, поверьте, вы всего лишь не знаете всей ситуации и всего того, что я хочу предложить селянам.-

– Так объясните мне, объясните немедленно, а не разговаривайте со мной как с малым несмышленным дитятей, – не отводя глаз, сердито воскликнула Лиза.

– Незамедлительно, как только я встречусь со старостой и улажу все споры, – тоном, не терпящим возражений, ответил ей опекун. Все нежности были отброшены окончательно:

– но я гарантирую вам наверняка, что мои преобразования принесут только пользу и вам, как хозяйке имения, и вашим крепостным.-

Его слова прозвучали настолько безапелляционно, а последовавшее за ними молчание таким красноречивым, что Лиза, просто не найдя, что сказать в ответ, помолчав секун-

ду, резко развернулась и направилась к двери кабинета.

– Елизавета Дмитриевна! —

Лиза даже не соизволила обернуться, остановившись на его окрик, уже держась за позолоченную ручку двери.

– И передайте вашему информатору, я готов встретиться с селянами в любое время.-

– Обязательно, – буркнула, выходя Лиза, громко хлопнув дверью напоследок, отчетливо давая понять смотрящему вслед опекуну, насколько она раздражена...

Душный день Лиза провела в своей спальне. Желание ехать на реку пропало, но и на обед она так и не вышла, считая это уже принципиальным после своего заявления. Посидев в раздумьях в теплой воде, наполнившей высокую мраморную ванну, вдыхая медвяный аромат трав, настоек которых растворенный в воде, должен был привнести успокоение в разбередившуюся произошедшими событиями душу Лизы и, переодевшись в домашнее платье без особых изысков с простым, совсем детским воротничком, она попыталась почитать «Отечественные записки». Но после первой страницы отбросила журнал в сторону. Аромат трав не принес облегчения, и душа металась, продолжая возмущаться на каждое слово, каждый взгляд, каждый жест услужливо преподносимых памятью о ворвавшихся в ее жизнь новых персонажей. Так, целый день, Лиза и ходила из угла в угол своей огромной спальни, то выходя на балкон, то забегая обратно, хватая журнал и снова отбрасывая его в сторону. Нет,

этот новоявленный опекун явно не располагал ее к себе – столичный денди, напомаженный солдафон. Читал он Фарадея в английском варианте. Подумаешь. Конечно, она солгала, у нее было прекрасное образование, уж на что, на что, но на образование горячо любимого и безмерно любопытного чада покойный папа не жалел никаких денег. Француженка – гувернантка, преподаватель английского из Лондона, общение с Яном Карловичем на немецком, поощряемое покойным папа, независимо от преподавателя-немца, бесконечное обучение танцам, музыке и этикету, не говоря уже об обязательных предметах. Ее домашнее образование было на высшем уровне. Черета занятий, глубокое вхождение в предмет, чтение и серьезное изучение... Лиза обладала острым от природы умом и ее притягивали любые новости мира науки, литературы, музыки. Она прекрасно разбиралась в экономических вопросах ведения хозяйства имения, впрочем, всецело доверяя эти вопросы Яну Карловичу, обрусевшему немцу с незапамятных времен служащему семьи Ланских. И сколько помнила Лиза, он всегда был благодушным, чуть суетливым, но добропорядочным старичком. Ему безмерно доверял покойный папа, а Лиза всегда знала, что Ян Карлович уже наперед знает все нововведения, который предлагал бурный прогресс технического века, разбирая с ним чертежи новинок, периодически появляющихся в научных журналах, каких-то механизмов и разнообразного назначения паровых машин, молотилок, маслобоек и еще

чего-то любопытного. И даже незадолго до кончины папа увлеченно обсуждала возможность приобретения чуда техники, которую породила прогрессивная инженерная мысль продвинутого века.

– Смотрите, Ян Карлыч, – торжествующе воскликнула тогда Лиза, – новый патент выдан опять же в Шотландии на электрическую карету, приводимую в движение непере-заряжаемыми [битая ссылка] первичными гальваническими элементами, -прочитала она написанное в разделе «Науки» журнала «Отечественные записки». Согласитесь, Ян Карлович, все-таки в этом создании есть определенное изящество, – говорила Лиза, тыкая пальчиком в изображение этого нового чуда техники на странице журнала.

– Несомненно, Елизавета Дмитриевна, – согласно кивал головой Ян Карлович, рассматривая подробную картинку, – я, думаю, появление за рулем этого монстра, на мой взгляд очередного монстра, – подчеркнул он, – станет шоком для селян не меньше, чем ваше появление на скамье того чудища с дымящей трубой, да еще в широких шальварах на манер персидских и в этой странной шляпе.-

– Вот, вот, – вскричала возбужденная Лиза, уже представляя четкую картинку, явленную перед глазами, – это не тот крокодил с паровым двигателем – самодвижущаяся повозка, приводимая в движение силой пара, которая распугала всех собак. Нет, Ян Карлыч, это, поверьте, было нечто. Оно так стрельнуло дымом из трубы, разбросав кругом искры, вызвав

разноголосый лай сельских собак, причем всех сразу, граничащий с надрывным воем от ужаса! И вообще на мне были не персидские шальвары, а шальвары в стиле мадам Амелии Блумер и английская охотничья шляпа, только в стиле «а-ля сафари», охота в джунглях, — она вполне с серьезным видом призадумалась, — нет, в этот раз я надену кожаные перчатки с высокими отворотами и шляпу с широкими полями. Точно. И очки такие круглые, на резинки, защитные от пыли, — еще, чуть подумав, уверенно добавила Лиза, — это будет с ног сшибательно.-

«Господи, как же давно это было, а теперь ей даже не нужно никаких железных монстров... Да и почему она должна была отчитываться в чем-то перед этим, так называемым, опекуном, который только и умеет, что читать морали, — вернулась она к мыслям о сегодняшнем появлении графа, — да еще и толком не успев появиться в имении, уже и настроить против себя селян, да плюс ко всему уже раздражающему, что просто возмущает, с таким пренебрежением отзываться о ней — женского роду!»

Да, пожалуй, именно это взбесило ее больше всего. Она, она женского роду! Она, принимающая участие с малых лет в охотничьих забавах, стреляющая не хуже любого егеря, прекрасно разбирающаяся в норове лошадей, она — женского роду! Да... да, даже так. И что, если она — девушка, значит, у него есть право ограничить ей свободу и запретить даже интересоваться делами, не говоря уже о вмешательстве

в жизнь имения. Конечно, принцип жизни таких героев в отношении женщин понятен – кухня, церковь, дети.

– Что он, совсем закоснел там, на своей военной службе, отрыжка древних веков, застой прогрессивного века, консерватор – злейший враг эмансипации, – бурчала под нос всё более разъяренная своими мыслями Лиза. Может, и дышать он ей запретит, этакий домашний тиран, и чем руководствовался покойный папа, выбирая этого молодца ей в опекуны. Наконец, настрадавшись вдоволь, Лиза решила поменять дислокацию и перебралась в свой кабинет, может, любимая обстановка отвлечет от дурных мыслей.

– Я обед тебе сюда принесу, – мельком глянув на нее, произнесла няня Пелагея, открыв дверь в кабинет и тут же исчезая за ней. Она-то уж точно не будет докучать Лизоньке, по одному ее взгляду, по частоте дыхания определит состояние голубки ненаглядной.

Няня Пелагея – аккуратная маленькая старушка в чепце и платье по городской моде на кринолине и колоколами спадающими рукавами с белоснежными кружевными оборками по краям, что неизменно вызывало завистливые взгляды кумушек, когда няня Пелагея, важно поднимая широкие юбки, степенно спускалась с подножки барского экипажа, предоставленного ей для посещения единственной оставшейся в живых ее родственницы в селе – престарелой сестры и ее семейства. Раздав чинно пряники всем своим белоголовым многочисленным внучатым племянникам, она торопи-

лась назад в поместье к своей незабвенной голубке, которую уж точно считала своим кровным дитяtkом, приставленная к ней еще при жизни Лизиной матушки. Как же не считать ее своей кровинушкой, коль сама ее и вырастила.

«Бедная няня Пелагея», – переключились окончательно мысли Лизы на свою няню. После серьезной продолжительной болезни позапрошлой зимой в Петербургском доме Ланских, она, прошлым летом, так сокрушалась, что по здоровью не может сопровождать на зимний сезон Лизу в город.

– Лизушка, всё ветры гнилые, болотные, городские виноваты, а я тут на деревенском воздухе при своих корнях дольше протяну, уж не обессудь, буду тебя по весне ждать, голубку, да за именем пригляд лучше будет.-

Что Лизе оставалось? Она ведь уже не маленькая, капризничать, но прошлую зиму и эту, хоть папа рядом был, а теперь? А теперь какой-то надменный чужак со своим уставом в ее монастырь, опять взорвалось всё внутри возмущением.

Няня принесла Лизе обед. Аккуратно сдвинув в сторону, как всегда небрежно разбросанную в изученье Лизы, кипу журналов по рабочему столу, она бережно поставила серебряный поднос и неслышно удалилась, тихонько прикрыв за собой дверь. Лиза внимательно рассматривала расставленные на подносе блюда, изучая невидящим взглядом, привычный белый фарфор фамильного сервиза, но решительно не было желания приподнять изящную крышку супницы. Лиза, рассеянно пожевав еще горячую свежесвеженную бу-

лочку, больше ничего так и не съела. Няня недовольно покачивая головой и причитая: – ой, беда, беда, – унесла все-таки поднос с нетронутым обедом. Под вечер стало совсем душно, Лиза открыла огромное окно. Ворвавшийся с моря ветер немного освежил комнату. Занавеси метались под порывами ветра. Лиза подошла к окну. Она совсем не помнила свою мамушку, тихий ласковый голос поющий колыбельную... Нет, только мираж, звуковые галлюцинации, как модно сейчас говорить или все-таки крохи воспоминаний, дарованные ей высшими силами тонкой, такой зыбкой связи с ее давно ушедшей мамой, чтобы хоть что-то давало силы оставаться в этом мире, а папа... Господи, какой щемящей тоской прошлись по сердцу воспоминания. Улыбка папа, его внимание, его тепло...

– Лизушка, девочка моя, держи прямо спинку, ты будешь прекрасной наездницей, совершенной богиней в седле, – отчетливо прозвучали его слова, являя ясную до боли картинку из детства, когда папа посадил ее на мохноногого пони с шикарной длинной гривой. Как тогда было страшно, почти как сейчас, но тогда был рядом папа...

Зачем он оставил ее, лишил своей поддержки, тепла и всеобъемлющей любви. Лиза смотрела в открытое окно на волнующееся море и неожиданно слезинки одна за другой покатались по щекам. Как же ей безумно грустно и одиноко, как же нетерпимо понимание – так рано, в самом начале такого страшного неизвестностью, теряющегося в по-

ка неопределенной пустоте пути под названием «жизнь», остаться без родителей, без сестер и братьев. За что ей такая судьба – одна одинешенька на белом свете...

Осторожный стук в дверь вырвал Лизу из грустных воспоминаний, возвращая в день нынешний. Странно. В такое время ее обычно никто не тревожил. Вот раньше папа... Лиза быстро вытерла слезы, схватила лежащий на столе журнал и плюхнулась на широкий диван за свой рабочий стол- боб, «бобик», как ласково называла его няня, в очередной раз собирая в аккуратную стопку журналы и смахивая с него пыль. Стол так назывался из-за своей формы, напоминающей настоящий боб, и был таким модным и совершенно необходимым аксессуаром в интерьере будуара, ну, в ее случае, кабинета, поправила себя Лиза, образованной девушки.

– Войдите, – крикнула Лиза, наверное, Ян Карлыч что-то захотел узнать.

– Извините, я нарушу ваше одиночество, – на пороге появился опекун. Меньше всего Лиза сейчас хотела видеть именно его.

– Чем обязана, сударь? – не отвлекаясь от изучения журнала, сухо произнесла Лиза.

– Елизавета Дмитриевна, я, в общем-то, с серьезным разговором, – опекун стоял у двери, спокойно глядя на Лизу, словно ожидая разрешения на продолжение аудиенции. Лиза подняла глаза, откровенно рассматривая атлетическую фигуру, застывшую в дверях.

– Хорошо, я выслушаю вас, – и снисходительным тоном, и всем своим надменным видом выказывая – она явно делает одолжение, при этом, откровенно нехотя, откладывая журнал в сторону. Впрочем, графа это не впечатлило, похоже, даже не тронуло, он просто незамедлительно прошел к столу.

– О, «Русский инвалид»! Похвально, весьма похвально для молодой девушки интересоваться такими патриотическими темами. Уверен, кроме подписки вы жертвуете и в Комитет, высочайше учрежденный в 18-й день августа 1814 года, чем помогаете выдаче вспомоществования нуждающимся, особо инвалидам. —

Лиза скривилась, словно оскомина тронула зубы. Это ж надо быть таким умником, чтобы произнести без малейшей запинки такую мудреную фразу, словно он зачитывал произносимое из того же «Русского Инвалида», да еще вполне серьезно глядя на Лизу. Она, так и поджав губу, стоически молчала, подчеркнуто не желая, завязывать беседу.

Ее упорное молчание не смутило графа, он просто продолжил осмотр того, чем был заполнен стол-«боб».

– Атлас Пирогова «Топографическая анатомия», – не удержался и вслух прочитал он, – «Модный вестник», «Вестник Императорского российского общества садоводства», «Коневодство» и даже «Оружейник», – опекун, со всё более проявляющимся интересом, перебрал лежащие на столе издания, – странные пристрастия, однако, у вас судары-

ня, — ничуть не скрываясь, откровенно удивился он. Лиза опять не издала ни звука, лишь внимательно, наблюдая за его действиями. Опекун, наконец, оставил в покое журналы на столе и с не меньшим интересом шагнул вглубь кабинета.

— Фортепиано фабрики Плейеля в Париже, — поднимая крышку инструмента, оценил он увиденное. Его пальцы уверенно коснулись клавиш. Полонез Огинского узнаваемо прозвучал первыми аккордами, — почему фортепиано? — крышка инструмента бесшумно легла на свое место, — в танцевальном зале прекрасный клавесин и не менее мастерской работы. Французский клавесин с корпусом из орехового дерева, очень старый, думаю, династия Бланше, я ведь не ошибаюсь? —

Дальше молчать не имело смысла, и был бы просто глупо.

— Не ошибаетесь, сударь всезнайка, — все-таки не стерпела, поддела опекуна Лиза, — просто клавесин такой же седой век, как и взгляды некоторых, современных или считающих себя таковыми, мужчин на место женщин в нынешнем мире, — это был не намек, это было откровение, наконец-то давшей волю своим чувствам Лизе. Опекуна и это не задело. Он остановился напротив книжных шкафов и, скрестив пальцы за спиной, с пристальным вниманием принялся рассматривать их содержимое за поблескивающими витражами стекол.

— Прошлый век, — чуть приподняв голову, оглядывал он верхние полки, — нежный звук и милая простота уже, к со-

жалению, история, – протянул он, не отвлекаясь от своего занятия, – и все-таки, почему фортепиано? – обернувшись после изучения нижних полок и глянув в упор на Лизу, повторил он свой вопрос.

Лиза почему-то смешалась. В его глазах не было вызова, искреннее любопытство, может ей тоже попытаться просто ответить?

– Это всего лишь мое желание играть выразительно. Активные пальцы, постоянная смена ритмов, звучания, длительности, музыка движется, переливается, *forte* и *piano*, *crescendo* и *diminuendo*, и всё это – сила и виртуозность пальцев. А сама клавиатура? Вы ведь владеете игрой, она требует силы, а не ласки, как на старинных инструментах и еще... наверное... —

Лиза замешкалась, она думала и никак не могла подобрать правильное слово, чтобы определить точнее то, что она пыталась передать, играя на фортепиано.

Что-то новое промелькнуло в глазах, скользнувшего по ней взглядом, опекуна.

– Вы хотите сказать – страсти, – произнес он, снова перенося свое внимание на содержимое шкафов.

– Наверное, да, – с вызовом произнесла Лиза, – страсти и чувственности.-

– Любопытно, – склонился опекун почти к самому стеклу двери шкафа, видимо разглядев за ним что-то его заинтересовавшее, – Вольтер, Дидро, Гомер, Жуковский, Пуш-

кин, Баратынский, Шиллер, Байрон, полное собрание «История государства российского» Карамзина, Загоскин, такое разнообразие научной литературы, откуда уж тут страсти-то взяться, – невнятно пробормотал он, снова оборачиваясь к ней и, не отвечая на вскинувшиеся глаза Лизы, явно расслышавшей его бормотание, уверенно произнес, – у вас широкий диапазон интересов, Елизавета Дмитриевна.-

– Что я должна на это ответить? – надменно бросила Лиза, по выработавшемуся за столь короткий промежуток знакомства, устойчивому убеждению, что все его высказывания и начинания направлены исключительно против нее.

– Ничего. Считайте это комплиментом, – опекун был само спокойствие.

«Господин вселенское спокойствие», – тут же добавила про себя Лиза еще одно прозвище опекуну, как будто обилие прозвищ несло ей моральное удовлетворение и успокаивало возмущенные нервы. Ну, хотя бы так.

– Андрей Николаевич, я вся внимание, в, общем-то, уже поздно, – нет, все-таки погода поменяется, новое прозвище не помогло, раздражение опять вернулось к Лизе.

– Да, да, Елизавета Дмитриевна, я обрисую ситуацию вкратце, – поторопился отметить граф.

Лиза так и не пригласила опекуна присесть всем своим видом небрежного слушателя, подчеркивая неприязнь к появившемуся так внезапно в ее жизни новому человеку, да Андрей Николаевич и не нуждался в ее приглашении. Лиза

не отягощала свой кабинет обилием функциональной мебели. Уютный диван, стол-боб и в углу, и прямо напротив уже оцененного графом фортепиано фабрики Плейеля в Париже, компактный, изящный, работы французских мастеров прошлого века, давенпорт – письменный стол с уравновешенной поднимающейся крышкой для канцелярских принадлежностей и доской для письма, которая так удобно выдвигалась в сторону. Обилием свободного пространства незамедлительно и воспользовался опекун. Он ходил по кабинету вызываясь свободно, периодически оглядывая по ходу обстановку кабинета, видимо что-то отмечая в своей голове и совершенно не заботясь об отношении Лизы к своей персоне, чем еще больше выводил ее из состояния душевного равновесия.

– Вы – девушка просвещённая, и наверняка следите за событиями, происходящими в России, да и в мире тоже. Прошлогодняя 1854 года военная компания на Балтике в рамках Крымской войны окончилась неудачно для англичан и их союзников. В этом году союзники усилили свои флоты. Немало, очень немало кораблей задействовано на балтийском театре военных действий. Эскадры под командованием английского адмирала Дандаса и французского Пено 19 мая сего года, в составе винтовых линейных кораблей, пароходофрегатов и корветов, а также ряда вспомогательных судов вторглись в территориальные воды России. Все лондонские газеты соловьем заливались, благословляя,

как и сама английская королева, этот поход против варваров, призывая цивилизованные страны Европы заколотить, цитирую – «балтийское окно прорубленное царем варваров Петром». В прошлую летнюю кампанию, для взятия Бомарзунда, союзниками был выделен одиннадцатитысячный корпус с осадной артиллерией. Вдумайтесь, Елизавета Дмитриевна, одиннадцатитысячный! Высадка десанта длилась четыре дня. Его действия поддерживала корабельная артиллерия. А постоянные, пусть и меньшего масштаба десантные батальи на островах Беломорья, – он остановил свой размеренный ход и многозначительно глянул на Лизу, – милая Елизавета Дмитриевна, для чего я делаю этот краткий экскурс в историю Крымской войны, теперь вы понимаете всю серьезность обстановки на Балтике и в нашем локальном районе тоже. Так вот, на фоне этой пафосной шумихи, что имеем конкретно мы. Что означает появление нашего английского фрегата, если учесть, что в составе эскадры только винтовые корабли на паровом ходу. Парусные фрегаты-дедушки – заслуженные ветераны флота, их всю используют для особых миссий. Я думаю, вы вполне понимаете, что означает – особая миссия, именно поэтому я пришел просить вас, Елизавета Дмитриевна, сопроводить меня к месту, где вы наблюдали фрегат.-

Лиза невозмутимо молчала, ничто не дрогнуло в ее лице, меняя надменную маску, хотя внутренне она полностью согласилась с опекуном. Ситуация, похоже, и вправду была

не из рядовых.

Лиза поднялась и выглянула в окно: – смеркается, – задумчиво произнесла она.

Опекун терпеливо ждал, видимо по своей привычке, так и держа руки за спиной.

– Выезжаем рано, граф, потрудитесь не проспать, – все-таки не удержавшись, съязвила Лиза, подчеркивая своим титульным обращением к нему – «граф», что пока не намерена сокращать дистанцию между ними.

– Не смею вас более задерживать, – спокойно ответил Андрей Николаевич, опять не заметив ее дерзости, а, скорей, просто не отреагировав на юношеский максимализм, а проще – глупость, и вышел из кабинета.

Глава 2

Яркое солнце летнего утра осветило море. Легкий ветер пробежался по листьям деревьев парка, прогоняя последние ночные тени из их гибких ветвей, чтобы они, встрепенувшись от сонной одури, встретили начинающийся день.

«Нет, ведь тепели уже свое соловьи, а тут занесло в парк иволгу, да не одну видно, и о чем они поют, заливаясь оглашенным трелями летними ночами,» – хмурая, в дурном настроении Лиза спускалась по парадной лестнице Большого дворца. Трели желтой красавицы иволги или неожиданный визит опекуна возмутил ее юную душу, унеся, уже почти вернувшийся в сердце, после неожиданной кончины папа, всё еще такой призрачный, зыбкий покой, но уснуть она смогла только под утро.

Лиза вышла на мраморное крыльцо Большого дворца, собираясь дождаться там опекуна, чтобы сразу заметить опоздание столичного щеголя, но вопреки ее ожиданиям, граф уже находился там.

«А этот причем?» – отметила про себя Лиза присутствие тут, на мраморном крыльце, так возмущившего ее вчера казак.

– День ожидается хороший, – сказал опекун, пристально вглядываясь в застывшую серую гладь залива, сливавшуюся с пронзительной голубизной неба, так и не обернувшись

на остановившуюся чуть поодаль от него Лизу. Она и сама видела все предпосылки к яркому солнечному дню с раскинувшимся до горизонта бездонным чистым небом, в которое, может, и занесут шальные ветры несколько белых облаков, но тут же и утащат их за собой в голубую даль. Утро уже было теплым, на траве поблескивала прозрачными капельками роса. Лиза быстро оценила прелесть летнего утра и мысленно махнула рукой. Как знать, прелесть-то, прелесть, но уж очень переменчивы боги погоды в этих суровых краях и им точно нет дела до людских примет... Лиза не изменила себе и сейчас, одевшись по-походному в свои кавалерийские рейтузы, свободную льняную блузу, перетянутую широким кожаным поясом и высокие сапоги для верховой езды. Опекун, наконец, обратил свой взор на Лизу.

– Хорошая игрушка, можно взглянуть? —

– Пожалуйста, — Лиза равнодушно выдернула из-за пояса кольт 44 калибра. Граф взвесил на руке оружие, чуть качнув головой, словно утверждаясь в своем первоначальном выводе: — серьезная вещичка, — заметил он.

– Еще бы, — незамедлительно, тоном знатока согласилась Лиза, — флотский кольт выпуск образца 1851 года, улучшенная копия драгунского колта ... —

– Да, да, разработанный для армии США, — продолжил, перебивая ее, опекун, — что ж, флотский кольт легче драгунского, ствол, несколько длинноват, но револьвер превосходный. Вы, сударыня, поаккуратней с таким револьвером, — за-

метил он, отдавая кольт Лизе, – можно и руку повредить. Барабан несколько ненадёжен. –

– Конечно, сударь, – в тон ему ответила Лиза, пристраивая привычно револьвер на место,

– правда, барабан разбалтывается при частом использовании, а кольт служит для меня лишь пугалом. Места у нас глухие, но это и хорошо. Даже лихим людям здесь делать нечего, а медведи в эту пору и сами от меня бегают. –

– Однако, – не выдержал казак, который вчера так интимно беседовал с Глашей.

– Нам нужно сопровождение? – ледяным тоном, скользя пренебрежительным быстрым взглядом по высокой фигуре казака, спросила Лиза.

– Кстати, это Иван, мой личный ординарец и свободный казак, – опекун совершенно проигнорировал ее тон, представляя нагловатого парня, – конечно, он будет нас сопровождать. –

– Ваше право, – оставила за собой слово Лиза и, сбежав по мраморным ступеням, подошла к Барыньке.

Ее белая красавица Барынька терпеливо ждала хозяйку, лишь косо поглядывая на пару, стоящих тут же у крыльца, вороных, которые похрапывали и в нетерпении били копытами, ожидая прогулки.

– Вам помочь? – любезно поинтересовался Андрей Николаевич.

Лиза хмыкнула, привычно вскакивая в мужское седло,

прекрасное, весьма удобное, мягкой кожи, сделанное конкретно для своей барыни рукодельным конюхом Федором.

«Разве я нуждаюсь в вашей заботе?» – говорил независимый вид Лизы, когда она уверенно разместившись в седле, тронула Барыньку под скептический взгляд Ивана и вполне ровный опекуна. Проехав по мосту, поверх прочных, красного кирпича арок, через которые перетекала вода из реки, скатываясь по ступеням террасы устроенного водопада, питавшего ложе узкого канала, выехали на аллею, с одной стороны которой вымеренной геометрией тянулись шатры голубых елей, а с другой зеленели яркой летней листвой прехорошенькие ухоженные липовые деревья. Аллея шла параллельно каналу к заливу и, делая резкий поворот, уходила в густой старый лес, граничащий с парком усадьбы, сменяясь широкой дорогой. Проехав несколько метров, они оказались у развилки. Здесь лес узким клином врезался в дорогу. Лиза уверенно направила Барыньку на правое ответвление, которое выглядело почти заброшенной просекой по сравнению с уходящей влево дорогой – широкой наезженной, выбитой до белого песка. Опекун нагнал Лизу.

– Елизавета Дмитриевна, а куда ведет эта дорога? – кивнул он на широкий путь.

– В село, – даже не взглянув на Андрея Николаевича, коротко бросила Лиза и, прищпорив Барыньку, оказалась впереди опекуна. Дальше ехали молча. Лиза смотрела вперед. Чем мог удивить ее вполне привычный путь, а вот опекун

с казаком с интересом разглядывали окружающее, словно изучали, запоминая, новую диспозицию. Лиза, не выдержав, откровенно ухмыльнулась. Вот, что значит привычка – военные люди, хоть и в щегольском костюме завсегдатая столичных балов, покосилась она на графа. По краям дороги росли мощные кряжистые дубы. Березы перемежались с елями, белыми яркими пятнами стволов четко выделяясь на густой мрачной зелени старых лап елей, кое-где уступая место вечно трепещущим высоким осинам. Густой подлесок делал непроходимыми эти чащи. Неожиданно лёгкий ветерок донес запах свежего сена. Заросли здесь кончались и за редкими деревьями, окаймлявшими дорогу, разглядывался большой луг. Темно-синие сарафаны женщин разбавлялись ярко-красными пятнами сатиновых сарафанов молодых селянок, подпоясанных фартуками, в рубашках отбеленного холста, которые сгребали деревянными граблями рядки недавно скошенной и уже подсохшей травы. Мужики-крестьяне в серых, длинных рубашках размашистыми движениями складывали вилами в копешки собранное сено. Лишь одиночные фигуры обратились к проезжавшему по дороге отряду, да и то лишь, окинув беглым взглядом, тут же принялись за работу. Они-то уж точно не привыкли доверяться переменчивому норову своих суровых северных богов – сейчас солнце, через час небо затянут хмурые тучи с моря, и пойдет дождь. А насколько дней, то тем же богам и ведомо. Некоторое время опять ехали по еле обозначенной дороге среди мрачно-

го густого леса, наконец, впереди лес стал редеть, проявляя отдельно растущие сосны, среди мощных стволов которых, проблесками показывалась бесконечная гладь Финского залива, давая понимание путникам – вот и конец их пути. Они на берегу, дальше – море.

– Да, весьма занятно! —

Удивленный возглас опекуна прервал молчание дороги. Было чему дивиться. Миражом возникли на вершине скалистого берега, четко прорисованные на фоне хозяйствующей кругом, буйствующей летней зелени белые недостроенные стены небольшого и явно предполагавшимся изящным строения, не давая пока уверенного понимания – то ли явь, то ли размытая тень, готовая в любой момент раствориться в невесть взятом откуда-то кусочке иного пространства, предстала сейчас перед путниками.

Лиза даже не повернулась в сторону попутчиков, уверенно останавливая Барыньку и спрыгивая с седла. Откровенно заинтригованный опекун незамедлительно последовал ее примеру, оставляя седло и сразу же направляясь к этим, оказавшимся все-таки реальными, начинаниям искусного зодчего. Малый дворец, как именовала строение Лиза. Ажурный, похожий больше на затейливую игрушку, замок страны грез из белого мрамора. Искусны были уже выбитые орнаменты на незаконченных стенах. Виноградные лозы переплетались по белизне камня, порхали среди них неведомые птицы, решетчатые своды обрамляли глазницы буду-

щих окон, тонкие колонны поддерживали портики, выступающие вдоль стен, в середине составляя галерею, которая соединяла два крыла дворца. Первый этаж был закончен полностью. Мраморные ангелочки грустили в нишах портиков, в полумраке сомкнувшихся над ними густых крон деревьев, не пропускающих на их кудрявые белокаменные головы ни единого лучика солнца, и казались совсем заброшенными и забытыми. Над недостроенными стенами царили запустение и хаос хозяйничающего здесь леса, а внутри стен дружной порослью зеленели мелкие березы и довольно разросшийся кустарник. Аккуратно сложенные блоки привозного мрамора, приготовленные для дальнейшей стройки, заросли выюнком и хмелем и представлялись просто зелеными горками для непосвященных, но не Лизе...

– Что это? – обратил свой взор опекун на Лизу, в котором так отчетливо читалось потрясение неожиданным, увиденным в глухом лесу.

– Малый дворец, – нехотя ответила Лиза, – всё, дальше пешком, – коротко обрезала она все возможные расспросы. Лиза не любила говорить о Малом дворце. Это была ее боль – напоминание о рано ушедшей матери, о своем сиротстве. Папа начал строить Малый дворец сразу же после обручения с матушкой Лизы, как подарок ей, как признание в глубочайшем чувстве, строил только для них двоих. Выбрал такое красивое, уединенное место на берегу моря, вдали от усадеб, в глуши девственного леса. Ведь уговорил отошедшего

от дел разобиженного господина Карла Росси, составил тот проект упрямому графу и сам скрупулезно проверял все детали уж строящегося будущего дворца. Это была очень дорогая игрушка, папа не жалел ничего для своей жены. Но как матушки не стало, Малый дворец был тут же заброшен. Лиза часто приходила сюда, в детстве она даже разговаривала с ангелочками, а потом просто сидела на мраморных ступеньках и смотрела на море.

– Идемте же, – твердо произнесла Лиза. Опекун ни малейшим движением не отреагировал на ее требование, его явно зацепило очарование самого места, очарование задумки, очарование уже созданного и так гармонично вписывающегося в окружающее дикое. Он внимательно осматривал место, не скрывая своего восхищения. Мыс, на котором стоял дворец полукругом врезался в море. Берег обрывом срывался вниз. Волны разбивались о скалы. Одинокие сосны на самом краю береговой линии мыса уходили кривыми ветвями в синее небо, а дальше простиралась гладь Финского залива. Балтийское море – огромное, серое, необузданное.

Андрей Николаевич вздохнул полной грудью.

– Великолепное место, – произнес он, но Лиза даже не повернула голову в его сторону, – ну что, двигаемся дальше? – лишь нетерпеливо попыталась она отвлечь опекуна, вернуть его к осознанию цели визита на эти скалы. Ей совершенно не понравилось такое внимание посторонних к принадлежащему только ей миру уснувшего, как ей представлялось,

дворца-памятника великому чувству двух человек. Она обошла дворец. К задней стене вплотную подступил кустарник. Раздвинув тонкие упругие ветви, Лиза прошла на еле заметную тропу, которую, она и проложила, изучая окрестности усадьбы, в целях геологических и прочих, интересующих ее пытливую натуру, исследований.

– Мне долго вас ждать? – бросила через плечо Лиза, – поверьте, граф, у меня на берегу еще полно дел, – своим титульным обращением – «граф», продолжая игнорировать уже официально представленные Яном Карловичем имя и отчество опекуна, подчеркивая свое упорное нежелание пускать нового человека в привычный, сложившийся и только ее мир.

Опекун на это нахмурился, его лицо моментально явило уже виденную Лизой маску неумолимого ментора.

– Я сожалею, но вынужден напомнить вам о моем вчерашнем запрете. Берег не лучшее место для прогулок. –

Иван подошел к тропе и встал среди кустов.

– Пожалуй, я пойду первым, – усмехнулся он, глядя на Лизу, и весь его уверенный вид показывал, что он не оставит Лизу без догляду ни на секунду.

Лиза окинула его красноречивым взглядом. «Язва» - Лиза уверенно проявлялась в голове.

– Граф, вы считаете, что я нуждаюсь в соглядатаях? – брови Лизы скользнули вверх, являя нарочитое удивление.

– Нет, – улыбнулся граф, возвращая лицу, видимо, более

привычный для опекуна вид, в общем-то, вполне доброжелательного человека, но Лиза пока опасалась так просто поверить в это. Пока его хмурый вид воспринимался ею, как более правильное в отношении нового человека, так уверенно продолжавшего вторжение в ее жизнь.

– В соглядатаях вряд ли, а вот в охранниках, – многозначительно продолжил опекун.

– На вашем месте я бы просто задрал юбку и отшлепал хорошенько строптивую девчонку... – начал Иван, но тут же осекся, так и не договорив.

– Н-да, – только и выдал Андрей Николаевич. Пуля, просвистев прямо над головой Ивана, мгновенно побледневшего более от возмущения, чем от страха, слыша привычный свист в столь непривычном месте и при не предвещавших ничего подобного безобидных обстоятельствах, ушла в густые заросли.

– Барыня, вы бы поаккуратней с вашей игрушкой, – выдохнул Иван, все-таки с опаской поглядывающий на уверенно шагающую к кустам Лизу, держащую в руке и когда только выхваченный-то ею револьвер.

– Вальдшнеп, – коротко бросила через плечо Лиза наблюдающему за ней опекуну, – спорхнул прямо над твоей головой, Иван, видимо каплей с листьев напугала, могу сходить забрать на сегодняшний ужин, да и юбка, надо вам заметить, на мне отсутствует.-

– Нет уж, – только и выдохнул опекун, – оставьте ваше-

го вальдшнепа, бедная птица нам сейчас ни к чему. Давайте, лучше продолжим наш путь и воздержитесь, будьте любезны от подобных неожиданностей, чтобы ваши выстрелы не спутали нам карты, ненароком не нарушив планов тех, кто на фрегате.-

Лиза лишь пожала плечом в ответ и, обойдя притихшего Ивана, снова первой ступила на тропу.

Дальше шли вдоль берега. За деревьями моря не виделось, но отчетливо был слышен шум волн разбивающихся о скалы. Тропинка пошла вниз, по пологому склону между разбросанными повсюду крупными и мелкими валунами и вывела к речке. Прозрачная вода неглубокой, но быстрой речушки наполненная холодными до оскомины на зубах чистейшими водами многочисленных родников, которые пройдя путь из недр скал под толщей земли, поросшей старым лесом, объединенными усилиями уже общих вод самой речушки, пробили себе путь, разрезая монолиты скалистой породы, перекатываясь журчащим потоком, просвеченным солнечными лучами, бьющими через кроны деревьев, являя обкатанные темные камни на дне русла. Деревья расступались и, через открывшееся глазу узкое пространство, освобожденное лесом, проглядывалось море, в котором и терялась, заканчивая там свой бег речушка. А дальше, от самого конца русла по обе стороны тянулся небольшой пляж, покрытый мелкой галькой.

– Только здесь можно выйти с моря на землю, – произ-

несла Лиза, – уж поверьте мне. Дальше опять скалы и на довольно приличное расстояние. –

– Я вам верю, – серьезно ответил опекун, – хорошая диспозиция, скалы не так круты и довольно удобная полоска берега под ними, с моря всё выглядит заманчиво, – красноречиво глянул он на молча внимающего ему Ивана.

– Да, – согласно кивнул Иван, – перспектива, как сказал бы полковник. –

– И все-таки, где вы видели фрегат, – наконец, вспомнил опекун о Лизе, слушающей в полном непонимании этот немногословный диалог.

– Да мы уже близко, – сухо бросила Лиза.

Они пересекли речку и поднялись на другой берег, который был уже несколько выше противоположного. Тропа, заметно поднимаясь, сразу же повернула к морю, проходя через заросли орешника и выходя к редким соснам, растущим по береговой линии. Опекун вдруг резко схватил за руку, рвущуюся вперед Лизу.

– На землю, – коротко бросил он лишь в ответ на ее возмущенный взгляд. Впрочем, Лиза и сама все поняла. Они упали в хвою и ползком придвинулись к кромке скалы. Прямо перед ними, примерно на расстоянии пушечного выстрела, стоял на якоре английский военный фрегат. «Юнион Джек» реял над палубой поднятый морским ветром, вторил ему своим трепетом собрат его помельче на гюйсе. И если кто-то в этот момент внимательно осматривал берег, да еще в под-

зорную трубу, без особых усилий, среди редких сосен на скалах, смог бы разглядеть вышедших из тьмы леса людей. Андрей Николаевич достал из кожаной сумки латунную трубку. Он привычно дернул за верх, вытаскивая спрятанную часть оказавшейся в его руках подзорной трубы.

– Любопытно, что им здесь нужно? В такой глуши, – говорил он, рассматривая фрегат в трубу, – здесь же к берегу не подойдешь, одни скалы, – он внимательно всматривался в стоящий перед ними корабль, – ну ведь, принесла же их нелегкая в эти забытые богом края зачем-то, – продолжал он свой монолог.

– Чего-то они там загоношились, – кивнул Иван в сторону фрегата, рассматривая забегавшие по палубе маленькие фигурки матросов.

– А вот это уже интересно, – воскликнул азартно опекун, более удобно устраивая локти, вжимая их в сухую хвою для детального рассмотрения происходящего. Лиза и сама видела, как от фрегата отделилась шлюпка, а за ней следом и вторая. Гребцы в ярких синих куртках английских моряков поверх белых роб и в характерных остроконечных шляпах налегали на весла, направляя шлюпки к галечному пляжу под скалами. На носу первой шлюпки сидел человек в широкополой шляпе в штатском костюме. Даже с такого расстояния Лиза четко рассмотрела ярко-рыжие бакенбарды. Недалеко от берега штатский, оказавшийся в высоких ботфортах, прыгнул в воду и вышел на берег. Шлюпки окончательно

причалили, и матросы, незамедлительно покинувшие шлюпки, подтащили их на прибрежную гальку. Штатский прошел вдоль пляжа, внимательно разглядывая скалы и устье реки, уходящее в заросли густого леса, вглядываясь в его первобытный мрак.

– Черт! Неужели, – бросил вдруг опекун.

Лиза покосилась на него. И что могло так взбудоражить в увиденном этого господина «вселенское спокойствие». Андрей Николаевич еще раз глянул в подзорную трубу, словно желая окончательно убедиться в правоте своей догадки.

– Вань, да ты посмотри, – воскликнул он, передавая подзорную трубу Ивану, – это же наш друг! —

Иван посмотрел в трубу: – да, так и есть, Андрей Николаич, – в голосе Ивана звучало неподдельное удивление, – это же... гад рыжий – Джон Грей собственной персоной! Елки, но он точно уехал в Англию! – Ивана однозначно повергло всё происходящее сейчас внизу на галечном пляже в не меньшее возбуждение, чем самого опекуна. Лиза лишь искоса поглядывала на живо обменивающихся короткими возгласами, а более взглядами, мужчин. Интересно, они вообще собираются посвятить ее во всё происходящее или она так, для проформы.

– Вот и уехал, – протянул загадочно на ее мысли опекун. Лиза посмотрела на штатского, который теперь был со своим именем – Джон Грей. Солнце играло на водной глади залива, отливаясь бликами на небольшой ряби, на-

гнанной легким ветерком с моря. Грей снял шляпу и вытер платком, оказавшийся совершенно лысым череп. Лиза отвлеклась от мужчин, азартно переговаривающихся всё равно о чем-то ей непонятном, с любопытством рассматривая, так заинтересовавшего опекуна, человека. Грубое, обветренное лицо, обрамленное ярко-рыжими бакенбардами, маленькие глаза, крупный мясистый нос. Довольно запоминающаяся внешность, отметила Лиза. Грей еще раз окинул взглядом берег и махнул рукой матросам, что-то говоря им. Слов не было слышно, но отчетливо было видно, как засуетились матросы, доставая из шлюпок плоские деревянные ящики. Лиза насчитала пять ящиков извлеченных из шлюпок, и они были точно не легкие, два матроса с явным усилием понесли ящик по темной от набегавших лениво волн, гальке, направляясь вдоль берега. Джон Грей еще что-то крикнул матросам, указывая рукой в сторону скал, у которых заканчивалась узкая полоска галечного пляжа.

– И куда ж они направляются? – протянул не прекращающий наблюдать за действиями моряков Андрей Николаевич. Он повернул голову, красноречивым взглядом подчеркивая, что его вопрос требует немедленного ответа.

– Там в скале неглубокий грот, – пояснила Лиза, хотя если бы не ее собственное любопытство и несколько другие обстоятельства... после такого взгляда, она и слова бы не произнесла, – мы на самом мысу, он выступает над пляжем, грот и мыс заметны только с моря.-

Между тем, моряки уже без ящиков вернулись к шлюпкам. Лысый Джон Грей последний раз окинул взглядом скалы и махнул снова рукой. Матросы толкнули шлюпки в море, а Грей занял место на носу. В полном молчании опекун с Иваном внимательно наблюдали, как шлюпка удаляется от берега и, казалось, для этих двоих весь мир сейчас сосредоточился на фигуре лысого Джона Грея, которого в шлюпке несли по глади залива ровные взмахи весел в руках матросов в синих куртках, возвращая к фрегату.

– Кто этот, Джон Грей? – нарушила тишину Лиза, формой ей быть уже порядком надоело.

– Да так, сударыня... наш с Иваном общий хороший знакомый, – задумчиво произнес опекун, явно не желая развивать эту тему.

– Да, друг Иван, – протянул граф, абсолютно игнорируя любопытные взгляды Лизы, – не просто Джон здесь явился нам, терзают меня нехорошие предчувствия. –

Лиза не сдавалась: – и все-таки, граф, может, вы посвятите меня в происходящие сейчас события, кто этот человек – Джон Грей? —

Опекун с Иваном многозначительно переглянулись.

– Просто хороший знакомый, – повторил с некоторым раздражением опекун, – вот и всё, что я имею сообщить вам, – и уже, не обращая ни малейшего внимания на Лизу, как уже на случившуюся помеху в таких, принимающих весьма интригующий поворот, событиях, в которые он совершенно

не собирался ее посвящать, опекун опять поднял подозрительную трубу и стал рассматривать удаляющуюся шляпку.

Конечно, у мужчин сплошные загадки и, несомненно, важные дела, а она здесь просто лишняя. Всего лишь проводник, который выполнил свою работу и всё. В Лизе вскипала обида. Неужели так трудно объяснить, ну хотя чуть-чуть посвятить ее во всё происходящее.

«Ну и ладно. Пожалуйста, – вдруг решила Лиза – дорогу назад сами найдут». И пока мужчины вглядывались в корабль, оставив ее без внимания, она отползла по сухой хвое назад и скользнула в заросли орешника на тропу в противоположную сторону той, с которой они прибыли. Только через некоторое время она услышала, как Андрей Николаевич начал звать ее, но ей было всё равно.

«Пусть понервничает», – лишь обозначилась в голове «язвы» -Лизы злорадная мысль.

Она некоторое время шла по тропе, пересекла речку, аккуратно спустившись между валунами, разбросанными по ее берегам, и вышла к Малому дворцу с другой стороны.

Боги погоды сегодня были милосердны, и летний день не обманул ожиданий – погода стояла великолепная, возвращаться в усадьбу совсем не хотелось. Лиза слегка стукнула по крупу Барыньки.

– Ну, дорогая, иди домой, я погуляю, – ласково произнесла Лиза. Уж за кого, а за Барыньку она совсем не переживала. Со смиренной кобылой они объездили все окрестности

усадыбы, и Лиза знала, та найдет дорогу к Большому дворцу.

Лиза пошла по краю дороги, жадно вглядываясь в красоту зеленого леса, вдыхая запахи летнего дня. Так и шагая, не торопясь, блаженно щурясь под лучами яркого летнего солнца, она вышла к сложенным стогам. Время двигалось к полудню и пекло уже нещадно. Селян не было, они закончили свою работу. Лиза подошла к ближайшему к дороге стогу и, забравшись на самый верх, уютно расположилась, почти зарывшись в благоухающее сено, жадно втянув стойкий одурманивающий аромат сухих трав. В синем бездонном небе проплывали одинокие облака, чуть подгоняемые ленивым ветром лета приближающегося к своей середине, всё дышало покоем и благолепием. Лиза засмотрелась на неспешный бег облаков и задремала.

— Куда же она делась! —

Лиза резко открыла глаза и окончательно проснулась. Конечно, ошибиться тут было невозможно, рассерженный голос опекуна отчетливо прозвучал под стогом. Мужчины закончили дела на берегу и выбрались из леса. Лиза затаила дыхание, что-то пугало ее в голосе Андрея Николаевича, ей как-то совсем не хотелось в этот момент попадаться ему на глаза. А мужчины устроились в тени стога. Кони их паслись в стороне, слегка всхрапывая, мотая головами, отгоняя назойливых мух.

— Ну что, Вань, что думаешь? — опекун задумчиво пожевал тут же сорванную травинку, — зачем пожаловал наш друг

в эти забытые богом края? Да еще в салоне всех уговорил, что едет по делам в Лондон. Совсем не хотел, чтоб об этой его экспедиции, хоть какой-то слух прошел. Да, он конечно мастак насчет тайных операций, но здесь? – он покачал травинкой все еще зажатой в его пальцах, – вовремя мы здесь оказались, Иван, вот что я тебе скажу. Очень вовремя. Прямо уж не знаю кто – провидение или ангел-хранитель нас направили. -

– Слушай, Андрей Николаич, а может они десант готовят на Петербург, здесь ведь до столицы нашей рукой подать, – озвучил живо свою версию Иван.

– Да смысл им отсюда начинать. Корабли плотно с моря Петербург обложили, а сухопутные операции отсюда... нет, глупость – дорого и бессмысленно сие мероприятие, хотя всё возможно... Но я все-таки думаю попокаместней что-то Грей удумал, не интересовался бы он лично десантом, такой простой, в общем-то, чисто войсковой операцией. Он птица высокого полета, ему что-то совсем неординарное замутить с руки, с большим резонансом, вот его профиль. Какую-то провокацию готовит наш клиент.

Падение Свеаборга финнов растормошит уж точно, о чем грезит лорд Пальмерстон. Поднять волнения против власти императорской – не плохо, а по-большому счету... Швеция им, Иван, позарез нужна, Швеция. В прошлогоднюю компанию не удалось, так сейчас счастья попытают. Втянут ее в войну, вот и сухопутная операция. Шведы и сами на Фин-

ляндию виды имеют, не прочь под свое крыло вернуть. А места здесь пустынные. Деревень вокруг не много, зато леса дремучего полно. Казачьих разъездов уже нет, постоянного патрулирования берега нет. Усадьба – конечный населенный пункт, где можно провиант и фураж поиметь. Дальше леса и болота финские, напрямую и до границы шведской рукой подать.-

– И как думаешь, как же это всё обставлено будет, а Андрей Николаич? – тревога отчетливо прозвучала в вопросе, уж Иван-то, как никто другой знал – не являлся этот рыжий англичанин просто покрасоваться, нигде и никогда, и ждать нужно было самых каверзных событий.

– Не знаю, пока не знаю, Иван, что на этот раз наш любезный Джон Грей придумает. Вот над этим ребусом и предстоит серьезно подумать. Провокацию им какую-нибудь устроить здесь с руки, что-то типа рейда на территорию Швеции или еще позакovyристей, в общем, не суть, главное шведов в военный конфликт втянуть. Эскадры с моря столицу запирают, а здесь шведы подтянутся, и война на двух фронтах. В Крыму Меншиков напорол, Севастополь вот-вот падет, если еще и здесь полыхнет, мало уже не покажется.-

– Пожалуй ты прав, Андрей Николаевич. Ящики эти тяжеленные, видно сразу, вот бы нос сунуть в грот этот.-

– Да мне и самому любопытно до жути, только пока корабль там стоит соваться туда – совсем не имеет смысла.-

– Что ж делать будем? —

– Пока думать будем, Иван. Да ждать Джонова эмиссара. Должен, должен кто-то объявиться. Им сейчас обстановку изнутри прощупать нужно, окрестности с суши изучить, подходы. Тут любой чужак проверяться должен. Ты, вот что, Иван. Здесь останешься. Дело ты свое знаешь, берег без внимания не оставляй, но особо пока там и не светись. А я в Петербург, к полковнику, – и вдруг, бросая травинку, воскликнул, – проклятье! Ну, куда же она подевалась, эта девчонка! Ну, характерец, просто несносная.-

– А что, Андрей Николаич, зато боевая какая, сразу на фрегат внимание обратила и стреляет, – Иван многозначительно и с явным уважением качнул головой, – вот она и есть наш – ангел-хранитель. И я тоже хорош, не пороть, спасибо ей сказать нужно, – заступился Иван за Лизу.

– Спасибо! – возмущенно воскликнул граф, – именно выпороть бы ее, да вот и всё спасибо! Где ее теперь искать-то? —

– Да что ты, Андрей Николаич, она уже в усадьбе давно, она тут, похоже, каждый кустик в лицо знает, – спокойно проговорил Иван и вдруг усмехнулся, – слушай, Андрей Николаич, а она ведь ничего.-

– Что ничего? – не понял опекун, занятый своими мыслями.

– Ну, видная деваха, такая... – начал Иван с явно слышимой усмешкой.

– Во-первых, Иван, не деваха, – резко оборвал его граф, –

а хозяйка имения – графиня. А во-вторых, – опекун запнулся, пытаясь точнее сформулировать, уже успевшее сложиться, мнение о Лизе, – ростом не вышла, худая уж больно, в свете-то статные девицы ценятся, да и дикарка какая-то. Она юбки- то хоть носит. Право слово, честно, по мне – лучше полком командовать или с твоими пластунами в рейд ходить в глубокий тыл врага, чем с одной девчонкой ...Ой, брат Иван, мне бы год отмучится, да замуж ее выдать, – горестно, с тяжелым вздохом протянул опекун, – донося до Лизы понимание, какой же обузой она свалилась на плечи этого человека, – ладно, поехали, уж обедать пора, поищем ее еще по дороге, – и, не выдержав, хмыкнул, многозначительно добавив, – выдающаяся девица... —

Мужчины оседлали коней. Лиза подождала, пока совсем затихнет стук копыт и вылезла из укрытия. Внутри у нее все кипело, совершенно раздосадованная, она рванула бегом, напрямки, через лес к Большому дворцу. Ну ладно, билось в ее душе, она тоже отмучается год, но жить будет так, как нужно ей, без оглядки на этого столичного щеголя, и жизнь она ему постарается, устроить повеселей. И за этими мыслями обиженной юной девушки совсем забылись волнения в связи с грозными событиями, которые возможно могут иметь место в их глуши в ближайшее время...

– Елизавета Дмитриевна, голубушка, а вы уверены, что не стоит ждать графа, а то прямо как-то неудобно получается.-

Ян Карлович с Лизой рассаживались в салатовой столовой. Милое уютное помещение столовой предназначалось исключительно для семейных трапез. С приглашенными гостями обедали в мраморной столовой более претензионном помещении, расположенном сразу за танцевальным залом. Салатовая столовая находилась на втором этаже папенькиного крыла. Белые оштукатуренные стены украшались нежно-салатовыми вставками, большие арочные окна окаймлялись складками штор в тон вставок и мебели драпированной салатового цвета атласом, резные плафоны украшали углы и центр потолка, с которого свисала большая хрустальная люстра. Покойный граф любил яркое освещение, и поздними вечерами здесь горело множество свечей, играя отблесками в позолоте рам фамильных портретов и золотых вставках в декоре столовой, что делало помещение еще и несколько торжественным, напоминая о весе графской фамилии.

– Поверьте, Ян Карлович, граф так занят своими делами, что он пропустит обед, а я просто ужасно голодна, – уверенно заявила Лиза, устраивая салфетку на коленях. Переодетая в одно из своих, по-девичьи, строгих платьев с глухим воротничком, с длинными расширенными книзу рукавами украшенными кружевами французской работы, с наспех, но уложенными в гладкую прическу волосами, словно и не было утренней прогулки по лесу, Лиза неспешно, как полагается воспитанной девушке, серебряной ложкой поглощала суп из белой, с фамильными вензелями суповой тарелки тонко-

го фарфора.

Не очень ожидаемое, весьма скорое, появление опекуна, Впрочем, совершенно не смутило ее.

– Граф, вы опоздали к обеду, – строго заметила Лиза, аккуратно кладя ложку на край нижней тарелки.

– Приношу свои извинения, – спокойно ответил опекун. Обслуживающий стол слуга быстро добавил приборы для Андрея Николаевича.

– Весьма любопытно, Елизавета Дмитриевна, сколько же здесь, уж совсем, тайных троп, в глухом лесу, что вы так прелестно выглядите? – несколько язвительно произнесенные слова выдавали кипевшее, но еще сдерживаемое в нем раздражение.

«Кажется, господина „вселенское спокойствие“ задело, вот так и продолжим», – сделала «язва» -Лиза, тут же прибавившее ей бодрости духа, наблюдение.

– Не стоит, граф, утруждать себя комплиментами, я выгляжу обычно, да и говорите вы какими-то загадками, – совсем безвинно пожала плечами Лиза, не удосужившись даже взглянуть на опекуна.

– Вы весьма самостоятельны, Елизавета Дмитриевна, – голос графа все-таки дрогнул, выдавая гневные нотки.

– Ох, Лизонька, – выдохнул Ян Карлович, обреченно опуская серебряную ложку, – вы опять что-то натворили.-

– Да нет, ничего особенного, – с иронией заметил граф, – Елизавета Дмитриевна всего лишь изволили сбежать от ме-

ня и добираться до усадьбы в полном одиночестве, вопреки моему запрету. -

– Не вижу ничего предосудительного, – тут же уверенно парировала Лиза, а почему не быть уверенной, она теперь и нарывалась на скандал, решив позлить еще больше господина — «вселенское спокойствие» и, судя по нахмутившемуся одномоментно лицу, сурово сведенным бровям, кажется это ей удавалось, настроение сей факт заметно прибавил,

– вы были увлечены своим занятием, дорогу назад нашли скоро, по-моему, волнения здесь просто излишни, – и, не давая опомниться опекуну, с очень серьезным видом озадаченной делами хозяйки имения, словно продолжая прерванный, так внезапно, деловой разговор вторжением не очень ожидаемого лица, Лиза обратилась к Яну Карловичу.

– Ян Карлыч, а если нам приобрести паровую молотилку? – спросила она.

Ян Карлович чуть не поперхнулся: – зачем же, Лизонька, это дорогая игрушка. -

– Не вижу смысла, – вдруг строгий голос опекуна вмешался жестко в их диалог, – поля у вас бедные, Елизавета Дмитриевна, количество выращиваемых для своих нужд зерновых можно и вручную обработать, а вот паровые машины на маслобойку вполне были бы уместны. Я осмотрел покосные уголья, в том числе и сегодня во время розыска кое-кого, – и он крайне красноречиво взглянул на Лизу, впрочем, она никак не отреагировала на его укоризненный взгляд,

вернее весь ее вид говорил: – «да мне и дела нет, чего вы там, по полям скакали.»»

– Вполне можно увеличить поголовье скота, – продолжил через секундную паузу обмена взглядами опекун, – и соответственно производство масла. Весьма интересна будет и сыроварня, – и по мере его объяснений тон его голоса принимал привычные спокойные нотки, в ответ, начиная поднимать волну осязаемого раздражения в Лизе, эдак быстро он спокойную уверенность обретает, – можно наряду с традиционными сортами пикантные французские производить. Петербург растет, и спрос на сельхозпродукцию ускоряется невероятными темпами. –

– Великолепно, – воскликнула с подчеркнутым сарказмом Лиза, разводя руками, небрежно направляя суповую серебряную ложку в сторону опекуна, устремив взгляд в другую сторону, на сидящего напротив Яна Карловича, – у нас появился новый эконом? —

– Ну, ведь Андрей Николаевич прав, – заступился за опекуна Ян Карлович.

Тут уже Лиза не сдержалась. Нет, это уже было неслыханно и выходило за все рамки ее понимания. Ян Карлович не за нее! Брошенная на стол ложка звонко ударилась о край тарелки, а Лиза, гордо выпрямившись, откинулась на спинку стула.

– Ах, вы уже и сговорились! – зазвенел обидой ее голос, – я, так понимаю, совсем теряю право голоса, мои предложе-

ния заведомо не принимаются к рассмотрению. Просто отлично! Значит, вы желаете моего невмешательства. Договорились, – и Лиза с оскорбленным видом снова взялась за ложку. Мужчины многозначительно переглянулись, обед продолжился, но продолжился в полном молчании. И в этом, заполнившем пространство столовой напряженном молчании, созданном очередным капризом Лизы, отчетливо тикали массивные пристанные часы, качая золоченым маятником, и пузатенькие золотые амурчики на крышке футляра с луками в руках и игрушечными крылышками за спиной слушали эту тишину. Опекун не отрывал взгляда от торопливо поглощаемых им блюд, и лишь Ян Карлович иногда тихонько вздыхал, с жалостью поглядывая на демонстративно занятую обедом Лизу.

– Елизавета Дмитриевна, – вдруг совсем миролюбиво, как будто ничего и не случилось, обратился Андрей Николаевич к Лизе в то время, когда происходила замена блюд. Лиза подняла глаза. Его лицо выражало исключительное благодушие, а серость вокруг зрачков была идеально прозрачной, ни следа грозы, еще до употребления супа заполнявшей эту серость, делая ее куда темней. Лиза даже и не поняла, то ли поглощаемая с таким глубокомысленным видом еда способствовала восстановлению его душевного равновесия, то ли сам по себе опекун человек выдержанный.

«Нет, все-таки скорей второе», – уверенно решила про себя Лиза, беря в руки серебряную вилку с вензелем дома гра-

фов Ланских, и устремляя взгляд на содержимое тарелки. Настроение испортилось окончательно.

– Мне необходимо дня на три уехать в Петербург, обстановка здесь вынуждает сделать это, я вас попрошу об одолжении. –

Ответом было полное молчание, Лиза даже не взглянула в его сторону, и лишь через эффектно выдержанную паузу, она соизволила протянуть: – каком? – всем видом давая понять, что ее графская персона еще сердится. Опекун вдруг улыбнулся совершенно искренне, так открыто, чем поверг Лизу в некоторое смущение.

– Елизавета Дмитриевна, а вы, право слово, так милы, когда сердитесь, дуете губки, совсем как обиженный ребенок, но я, честно, я ведь совсем не хотел вас обижать. –

Лиза не разрешила себе быть снисходительной и тем более развить свое смущение, она лишь смирила опекуна долгим взглядом, явно не собираясь идти на компромисс, но Андрей Николаевич продолжил, ни мало не заботясь о посетившим ее дурном настроении.

– Я очень вас прошу, загляните в село с Иваном, предупредите старосту, чтобы местные поглядывали и сообщили сразу, вдруг чужаки объявятся. –

Смущение развилось без вмешательства Лизы. Это разительное умение опекуна держать себя в руках. Но если, положив руку на сердце, по большому счету, это она должна была сейчас объясняться с ним и оправдывать свое поведение, это

ведь правда, чем он обидел ее – сказал правду? Да, не статная и худая, но ведь действительность, всё то, что сейчас происходит в лесах вокруг усадьбы, гораздо серьезней этих девичьих глупостей, а она нарушила его запрет, да и кидание столовыми приборами... ужасное поведение дурно воспитанной девицы, а она ведь таковой не являлась. Лиза даже не находила слов для ответа, а опекун, не дожидаясь очередного блюда, положил салфетку на стол.

– Вынужден откланяться, спасибо хозяйке за обед, – улыбнулся он снова Лизе, – я немедленно выезжаю, к вечеру надеюсь быть в Петербурге.-

– Но как же обед, батюшка, Андрей Николаевич, – заерзал расстроенный Ян Карлович, – да и проводить вас хоть надобно.-

– Ян Карлович, да о чем вы, я совсем непривычен к проходам, в минуту соберусь, да и стеснять вас далее не буду, – сказал граф, явно обращаясь к Лизе. Дверь за ним захлопнулась, а Лиза чувствовала себя уже совершенно неловко. Устроить глупую сцену! И чего она прицепилась к опекуну, он занимается своими делами и в совершенном праве не посвящать ее в них. Да, временами она тоже бывает несносной. Она поднялась из-за стола.

– Ян Карлович, голубчик, пожалуй, я уже сыта, вы тут без меня заканчивайте, – обратилась она к управляющему только намеревающемуся отправить в рот вилку с аппетитным кусочком зажаренной курицы. Лиза уверенно отодви-

нула стул с резными золочеными спинкой и ножками, и, не медля, вышла из столовой.

– Ну и дела, – только и произнес вконец озадаченный Ян Карлович, с сожалением бросая на тарелку вилку с так и не попробованным сегодня и уже не лезшим в горло, шедевром повара.

Глава 3

Село Вознесенское, собственность графов Ланских, как и несколько деревенок гораздо меньшего масштаба, разбросанных среди диких лесов этого края, привольно раскинулось на берегу реки, которая спокойно несла свои воды, обозначая границы усадьбы, затем, уже даруя воды жителям Вознесенского, жизнь которых проистекала, кажется, в ритме движения этих вод. Взрываясь новой энергией со взломанным весной льдом, кипя, бурля энергией лета и плавно уходя с осени в зимний сон скованного льдами водного простора реки. За Вознесенским воды реки устремлялись дальше и терялись где-то в необозримых далях. В селе и деревеньках насчитывалось более трех тысяч крепостных душ. Иван с Лизой верхом въехали в село.

– Да, – не выдержал, выдал, по своей привычке внимательным взглядом отмечать окружающее, Иван, – народец-то у вас не бедствует.-

– А с чего ему бедствовать, – откликнулась Лиза, – батюшка говаривал, богатый мужик – богатый барин, уж не знаю, чего удумал Андрей Николаевич, но добрые христиане у нас всю жизнь хорошо жили, чем их бытие улучшить можно, я и не знаю даже.-

Проехали высокий, каменный, сельский храм с довольно монументальной колокольней. На паперти нищий юродивый

плялился на них во все глаза, но, не пытаясь, даже приблизиться.

— Такой жалкий, — кивнула Лиза в сторону убогого. Она вдруг резко остановила Барыньку и, под удивленным взглядом, тут же натянувшего поводья Ивана, спрыгнула с лошади, доставая на ходу из маленькой кожаной сумки на длинном узком ремне, перекинутом через плечо, мелкую монету, которую аккуратно вложила в просящую руку. При ближайшем рассмотрении юродивый оказался совсем молодым, его глаза блеснули коротким и, казалось, совсем осмысленным взглядом, пройдясь по лицу Лизы, но тут же это впечатление исчезло, глаза закатились, делая его лицо обыденно придурковатым, и он усиленно закивал головой, что-то бормоча под нос. Пегая поросль на месте, где у мужиков обычно растет борода, непонятного цвета лохматые волосы, не очень приятное покрытое крупными выпирающими прыщами лицо. Лиза тут же повернулась и, более не отвлекаясь на, так и тарашащегося на нее, убогого, быстро пошла к лошади, привычным движением снова оказываясь в седле.

Чопорные старухи в платках-убрусах, по-старинке схваченных под подбородком, поверх вышитых, нарядных, праздничных шапочек-повойниках, выходящие с утренней службы, неодобрительно глазели на всадников, поджав сухие губы, но склоняли головы, приветствуя свою барыню. Нарочито суровые, чай после службы шли, всё под присмотром тех же старух, лица молодежи, зыркающих глазами из-

под цветастых платков, уже по-новому завязанных узлом под подбородком. Зыркали, правда, более с любопытством, чем с непонятным немым укором, как старухи, склоняясь, перешептывались, кивая откровенно вслед проезжающим.

– Что-то, барыня, не очень жалуют вас селяне, – усмехнулся в пшеничные усы Иван, – ишь, как косятся.

Лиза спокойно улыбнулась.

– А я никому и не пытаюсь понравиться, тем более местным селянкам. Не понятно им все, что я делаю, не понятны мои стремления, вот и косятся, а по мне – пусть болтают, главное, чтобы нос не совали, да по простоте своей душевной, не мешали.-

Дом старосты, добротный, рубленый из больших бревен, стоял почти с краю села на очередном пригорке, на который поднялись, предварительно нырнув в явно обозначенной ложок между сельскими огородами.

Лиза с Иваном въехали в открытые, крепкого теса, ворота двора дома старосты.

– Ой, Петр, смотри, каких гостей бог послал! —

Глаша стояла у ворот, и Лиза заметила, как радостно зажглись ее глаза, при виде казака, въезжающего во двор следом за барыней. Иван пытался спрятать улыбку в своих пшеничных усах, но не выдержал и расплылся, сверкая белыми зубами.

– Петр, бог в помощь, – обратилась Лиза к шагнувшему ей навстречу молодому здоровому парню, спрыгивая с лошади.

– Да, вот, возим сено с луга, – объяснил тот, кивая на лошадь, запряженную в большую телегу. Он с явным неодобрением глянул на зардевшуюся под короткими, но откровенными взглядами, сестру, которые бросал в ее сторону усатый казак.

– Еремей, давно не видела тебя, – обратилась Лиза к стоящему у телеги лохматому молодому мужику с кучерявой бородой, настороженно наблюдающему из-под насупленных бровей за неожиданными гостями.

– В Петербурхе я был, на заработках, – буркнул коротко мужик.

– А, – лишь протянула Лиза.

– К нам он в работники устроился, на время, – пояснил подошедший Петр, вставая рядом с Лизой.

– Иван, ты подожди меня здесь, – обратилась Лиза к Ивану. Иван лишь кивнул в ответ, и Лиза отчетливо увидела в торопливом его молчаливом ответе нескрытое желание воспользоваться оказией и остаться рядом с Глашей.

– Елизавета Дмитриевна, пойдемте в дом, к батю. Я проведу вас.-

Немногословный Петр был очень серьезен и важен. Еще бы – опора отца, а, в общем-то, бесхитростный парень с добродушным нравом. Хотелось ему накомстылять казаку за переглядки с сестрой, точно читалось на его лице, но приезд барыни требовал внимания.

– Дядька Пантелей, ты чего опять хворать вздумал, – де-

ловито воскликнула Лиза, входя в большую чистую горницу, устланную полосатыми, вытканными умелой рукой хозяйки дома, половиками. Почти треть комнаты занимала выбеленная русская печь. Вышитые занавески, аккуратно прихваченные посередине белой тесёмкой, обрамляли небольшие окна и, напротив входа, богато украшенный вышитыми полотенцами, отделанными кружевами ручной работы, красовался иконостас.

Староста Пантелеймон Данилович, крепкий мужик с уже тронутыми сединой, когда-то черными, как смоль, волосами сидел за большим деревянным столом, отсвечивающим янтарной желтизной чистого струганого дерева.

– Да колики меня измучили, матушка-графиня, спасу нет, – страдальчески скривился он.

– У доктора был, дядька Пантелей? – строго спросила Лиза.

– Да был я у твоего дохтора, да только он одно твердит – на ночь жирного и тяжелого не ешь, тогда и коликов не будет, ну где ж это видано ни мясца, ни сальца не есть, я чё на ночь одни огурцы кушать буду? Так я и вовсе не усну, а только промучаюсь, – произнес в сердцах дядька Пантелей, как будто совет доктора лишал его чего-то жизненно важного и такого привычного, что вызывало в этом крепком мужике сплошные страдания.

– Дядька Пантелей, а доктор-то прав, ты ж не молод уже, вот и тяжко тебе, меняй привычки.-

– Да, барыня, и ты туда же, – Пантелеймон Данилович лишь рукой махнул. Лиза рассмеялась: – да привезла я тебе капли, после еды на ночь по ложке принимай, легче будет. –

– Ну, слава богу, а то ведь мне тадысь помогли твои капли, графиня, даром, что бабы бают, будто колдунья ты скрытая, по окрестностям, мотаешься, чего-то собираешь, да во дворце своем и колдуешь. –

– Еще, что бабы бают? —

– Да, пока вреда от тебя нет никакого, вроде и ничего им не надоть, но любопытные... —

– Дядька Пантелей, ты хоть понимаешь, была бы я ведьмой, в деле с организацией больницы в селе батюшке моему не помогала, и доктора у вас бы не было. Зачем доктор, коль сама бы чудеса творила, людей на ноги ставила, а потом души людские воровала и... в общем, не знаю, чем там еще ведьмы занимаются, не хочу я эти глупости пересказывать. –

– Да я что, бабы бают, – староста тут же поторопился отвлечься от начатой им темы, словно и самому неудобно стало от пересказа никчемных сплетен, – а что душа по нашему вопросу скажешь, бунтовать нам или мирно решим вопрос о заработках? —

Лиза помрачнела.

– Дядька Пантелеймон, мне наш новый эконо́м – опекун мой, так ничего и не сказал. Одно твердит – увидите, всё хорошо будет. А вы, дядька Пантелеймон, с мужиками сами к нему придите, да расспросите, я тоже понаблюдаю, как этот

столичный сноб объясняться с вами будет.-

Староста ухмыльнулся, с прищуром глядя прямо в глаза Лизы: – к бунту призываешь, графинюшка? —

– Господь с вами, – лишь всплеснула руками Лиза, округляя возмущенно глаза и, все-таки не удержалась, тихо добавила, – всего лишь к небольшому неповиновению, в пределах допустимого.-

– А мы так и сделаем, Елизавета Дмитриевна, – стукнул даже по столу уверенно староста, – пусть объяснит, он человек для нас новый, мы и знать его не знаем. Что он там себе удумал, а то и нам, и тебе убытка бы не было.-

– Это точно, – уверенно подытожила Лиза, а потом, оглядев горницу, спросила, – а где Аграфена Егоровна? —

– Да, по хозяйству хлопочет, наверное. Петька, ты кликни мать-то, да поспешает пусть. Дело к ней у графини имеется.-

– Ой, батюшки, а я-то не прознала, что гости такие у нас, а ты, старый, сидишь. Давай я хоть кваском тебя, барыня, угощу, – озабоченно заговорила хозяйка дома, переступая порог горницы, явно торопясь явиться перед ясные очи юной графини при получении известия от сына.

– Не откажусь, Аграфена Егоровна, у вас всегда славный квас, – улыбнулась на такое старание Лиза.

Хозяйка обернулась быстро, неся из прохладной каморы глиняную кружку кваса, настоящего на ржаных сухарях с травами. Лиза не стеснялась, залпом осушив кружку, и ведь действительно, одно удовольствие квас в такую нешу-

точную жару.

– Аграфена Егоровна, вы ведь кружева плетете, заграничным «блондам» не уступят, – начала она разговор о том деле, по которому она, положив руку на сердце, и ехала, ставя на струганый стол кружку, а уж что там ей опекун наказал, она пока и думать об этом не особо хотела.

– Да, что ты, барыня, – всплеснула руками Аграфена Егоровна, – баловство все это.-

– Ладно, мать, – ворчливо заметил Пантелеймон Данилович, он хоть вида не показывал, но тайно весьма гордился, признанным односельчанами, талантом своей жены, – что есть, то есть.-

– Вы других селянок не откажитесь обучать? А я бы вам за работу платила, сейчас такое кружево очень ценится, мы с Яном Карлычем обсуждали, в Петербурге лавку открыть можно, да, я бы и за границу вашу работу наладила бы.-

– Ну, не знаю... – нерешительно выдохнула Аграфена Егоровна.

– Да, что тут думать, – даже вспылил Пантелеймон Данилович, еще бы, такое предложение, плата за «сидеть на лавке», чего-то там ковыряя, мурлыкая себе под нос в свое удовольствие, – дело барыня говорит, вместо того, чтобы девкам зимой по посиделкам из избы в избу бегать, та с парнями жаться, пусть сами на приданое зарабатывают. Покумекаем, графинюшка, как лучше обставить всё и тебя известим, – уверенно решил за жену дядька Пантелей.

– Ну и славно, – сказала Лиза, вставая. Не было у нее привычки попусту время тратить на разговоры, обсудила нужное, пора и честь знать, другие дела ждут: – загостилась я, пойду уж, – и Лиза в сопровождении тут же подскочившего Пантелеймона Даниловича, прекрасно знавшего привычки своей юной хозяйки, шагнула к двери. Выходя на высокое деревянное крыльцо, Лиза отметила, как Иван торопливо шагнул в сторону, подальше от Глаши, чтобы родительские глаза, выходящего следом за барыней отца, не узрели ничего подозрительного. Отметила, как звездочками горели девичьи очи, а яркий румянец на щеках выдавал отнюдь небезынтересное времяпровождения Ивана и только сейчас, вот в самый этот момент, Лиза вспомнила все-таки об, если не основной цели своего визита к старосте, но уж не менее важной точно – просьбу Андрея Николаевича.

– Ах, да, – воскликнула Лиза, – Иван, поди сюда-.

Иван, не спеша, с достоинством подошел к ней и Пантелеймону Даниловичу, сошедшим уже с крыльца, держась за рукоять кинжала в богато украшенных орнаментом, выбитым на металле, ножнах, заткнутом по горскому обычаю за пояс.

– Дядька Пантелеймон, это Иван – ординарец моего опекуна, он периодически наезжать к вам будет.-

Пантелеймон Данилович протянул руку Ивану: – ну, здоров, мил человек.-

Лиза продолжала: – тут дело очень важное. Могут чужаки

появиться, если кто подозрительный покажется, вы с Петром дайте знать. Действий никаких не предпринимайте. Просто погляньте, но нам в поместье сразу же сообщите.-

– Чужаки, – тут же призадумался дядька Пантелеймон, – у нас тут только, где-то седмицы три, юродивый на паперти трется, приبلудился откуда-то. Я спрашиваю, откуда будешь, мил человек, а он мыкает, головой мотает, пальцем в небо тыкает. «Оттуда послан, прям оттуда, оттуда прибыл, туда и уйду,» – баит. Что с него взять блаженный. «Ну, на тебе копейку», – говорю, он истово крестится, глаза радостные, кивает и опять чушь несет. «Ты даешь, я больше дать могу.» Дурачок. Ох и развелось их по краю нашему, прошлый год юродивая, такая же блажная была... —

– Дядька Пантелеймон, – остановила старосту Лиза, – было бы время, я тебя до вечера слушала.-

– А, ну да, ну да. Добро, добро – кивнул Пантелеймон Данилович, с явным сожалением останавливая свой только начатый и обязательно обширный рассказ, да барыня не тот собеседник, не благодарный слушатель, ясно читалось на его лице, но и ничего с этим не поделаешь.

– Понимаем серьезность положения, – уже совсем строго, с полной ответственностью заверил он Лизу, – всё сделаем, как сказала.-

Через некоторое время Лиза с Иваном выехали за границу села.

– Барыня, – прервал молчание Иван, направляя спокой-

ный ход жеребца рядом с, размеренно бегущей, Барынькой, — я на берег, — коротко бросил он, кивая в сторону леса.

— Вообще-то, я туда же, — равнодушно, даже не глянув на Ивана, выдала Лиза, — пороть меня, как ты понял, бессмысленно, соответственно спорить, я бы тоже не стала, — и она красноречиво глянула в усатое лицо. Иван лишь коротко хмыкнул и чуть прищипорил жеребца, обгоняя Лизу, так и продолжая их совместное движение.

«Наконец-то, до одного дошло», — удовлетворенно отметила про себя Лиза, смотря на прямую, маячившую впереди спину Ивана.

Вскоре, на дороге показалась одинокая фигура мужика.

— Еремей, — воскликнула Лиза, нагоняя того, — ты в усадьбу что-ль, к Федору? —

Лиза знала, что конюх Федор приходится каким-то родственником Еремее, и не раз видела его в усадьбе, но лохматый мужик — работник старосты лишь угрюмо зыркнул на нее, все так же, как во дворе, хмуря широкие брови. Холщовая сумка набитая чем-то до отказа оттопыривалась, свисая через плечо. Лиза сверху бросила короткий взгляд, черная краюха хлеба виднелась неприкрытая ничем.

— Нет, — недовольно буркнул Еремей, и Лизу даже удивил тяжелый взгляд мужика, которым он одарил ее на заданный вопрос, вроде не понравилось ему ее неожиданное появление и ее, казалось бы, обычные житейские вопросы.

— В деревеньку иду, к своим. Вот гостинцы несу, — продол-

жал он, косо, с явным недовольством поглядывая на Лизу.

– Ну, доброй дороги, – бросила озадаченная Лиза.

«Нет, все равно к Федору пойдет, угрюмый такой и чего говорить не хочет, опять, что ль, тому браги несет, – пронеслось в голове Лизы, догоняющей, изрядно уехавшего вперед за ее разговором со случайным попутчиком, Ивана, – деревенька-то его в другой стороне.» Гонял, гонял уже Ян Карлович из поместья непутевого родственника конюха.

– Федор-то работающий, – проявились слова управляющего в голове, – лошадей, как детей малых любит, любые их хвори знает, младшие конюхи-то – разве чета ему? Выгнать, рука не поднимается из-за его головы светлой, а этот аспид-соблазнитель, не может себе компаньона в селе найти, бобыль чертов, теперь лошади без должного ухода дней пять будут, пока дурь сойдет.-

А потом смиренно кланяющегося Федора, виновато потупившегося и мнущего в руках шапку под строгим взглядом папы и Яна Карловича. Так ведь давненько такого не было, пока на заработках, видимо, и был Еремей. Ох, не приведи бог, опять старое начнется...

До Малого дворца добрались быстро.

«Да, видать опытный следопыт», – отметила про себя Лиза, косясь на Ивана который как будто не единожды уже бывал в этих местах, уверенно соскочив с коня, тут же, не дожидаясь Лизы, направился к зарослям скрывающим нужную тропинку. Берег встретил шумом разбивающихся о скалы

волн. Фрегата не было, и в сером водном просторе залива не обозначалось ни одного, даже рыбацкого суденышка.

«Должно быть, погода изменится, – вглядываясь в волнующиеся воды залива, отметила привычно Лиза, – ветер поменялся, с дождевого края дует, нагонит нам туч опять.»

Волны жадными языками лизали галечный пляж, накачиваясь, гонимые поднявшимся ветром, почти под самые скалы, сбивая там серые ошметки пены. Лиза шла следом за Иваном под козырьком выступающего скального мыса над головой, с которого они вчера и созерцали происходящее здесь. Грот четко выделялся в толще скал. Иван шагнул внутрь грота, освещенного еще яркими лучами солнца, пока не спрятанными за проявляющимися на горизонте свинцовыми тучами.

– Дела... —

Короткое замечание не воодушевило уже полностью, с головой захваченную еле сдерживаемым любопытством, Лизу.

– Ага, – подтвердила Лиза общее разочарование, входя под каменные своды. Грот был идеально пуст. Ни малейших следов пребывания здесь каких-либо предметов и самих людей, словно произошедшее вчера было общим видением.

– Ох и ловки, – протянул Иван, – вчера ведь до сумерек просидел здесь, даже никто не шелохнулся в сторону берега, ох и хитер лис – Джон Грей, всё предусмотрел. В ночи выбирались. Отсюда, хоть каким путем уйти можно, да еще таща тяжелые ящики? – обратился он, не поворачиваясь к Лизе.

– Конечно, по тропе, что мы шли, – ответила, не скрывая своего разочарования Лиза.

– Ну, пойдемте, барыня, к тропе. –

Иван недолго крутился на тропе, постоянно нагибаясь, трогая руками веточки деревьев, раздвигая руками кусты, растущие по краю тропы под недоуменным, но заинтересованным взглядом молчащей Лизы. То же самое он проделал и, перейдя мелкую речушку, на тропе, идущей вдоль другого берега.

– Нет, – наконец, уверенно изрек Иван. Он еще постоял несколько секунд, словно что-то обдумывая и решительно бросил: – пойдемте-ка, барыня, по логу, вдоль речки. –

Уже около часа они медленно двигались по каменистому, усыпанному крупными и мелкими валунами берегу, вдоль русла неширокой реки, внимательно изучая каждый камешек, углубляясь в поросшие лесом скалы, но камни не хранили следов, да и вода не отличалась особой памятью, помогая в сокрытии.

– Всё. Хорош, – первым остановился Иван. Он внимательно окинул взглядом окружающий лес, словно во мраке сплетающихся ветвей на скалах пытался разглядеть нечто, хоть малейший знак, что привело бы их к искомому – пути исчезновения из грота пяти плоских ящиков.

– Так дальше выход есть, – нетерпеливо, еще порываясь кинуться вперед, бросила Лиза,

– там бор корабельных сосен начинается. Сухой и про-

зрачный. Там, наверняка, и вышли.

– Вот именно, сухой и прозрачный, и следов там точно не сыщешь, – протянул уверенно Иван, – это ж, сколько народа теперь надо, чтобы в окрестных лесах их схрон найти, – снимая папаху и нагибаясь, произнес он, зачерпывая ладонью прозрачную воду, омывая ею покрасневшееся лицо – жара к непогоде усиливалась.

– Можно обратиться к старосте, поможет людьми, – пожал плечами на очевидное Лиза.

– Ящики тяжелые, человек десять нужно тащить их – это в самый раз, – Иван распрямился, надевая снова папаху и объясняя больше не Лизе, а скорей самому себе, – деревенские только спугнут. Пока лес топтать будут, эти десять пришлых поймут, что про них всё ясно. Нет, не пойдет, тут хитрей надо, – Иван задумался, – черт и ведь не пошли сразу на тропу, мучились, тащили ящики по камням, только, где и вышли, не найдешь. Либо разведка их диспозицию хорошо изучила, либо... – Иван красноречиво глянул на Лизу, а ту понимание, словно холодной волной окатило в душный полдень, бросая в смятение, заставляя в бешеном ритме погнать сердце.

– Либо кто-то местный показал, – страшная догадка сама слетела с языка.

– Угу, – согласно выдал Иван, – ладно, пойдемте, барыня, назад.-

– Но, как же, назад, – загоношилась Лиза, – а как же мы

злодеев искать будем.-

– Не будем, – коротко остудил ее пыл Иван, – они уже где-то в дебрях схоронились. Теперь только Андрея Николаевича ждать, у него голова, поверьте, светлая, он что-нибудь в ответ на заковыристое еще более заковыристее придумает, это и к бабке не ходи... —

– Что, гневаться граф будет, профукали ящики-то, – не сдержавшись, с ехидством произнесла Лиза, поглядывая на уже двинувшегося в обратный путь Ивана.

– Не будет, – неожиданно спокойно произнес Иван, – Андрей Николаевич уже и это предусмотрел, выезжая в Петербург, – загадочно добавил он.

Иван уверенно зашагал вперед, давая четкое понимание Лизе, что больше она из ничего так и не вытянет. Лиза вздохнула и двинулась следом за перепрыгивающим с камня на камень казаком.

Дела заморачивались всё круче. Лиза весь оставшийся день посвятила себя разработке всевозможных решений по данной ситуации – собрать крестьян и прочесать весь лес за берегом.

– Нет, – выдохнула она разочарованно. И в какой стороне искать? Иван прав, остается ждать опекуна и его решения. Только ведь сноб столичный, разве он посвятит ее в свои планы. Нет, не дождется она такого подарка с его стороны. Придется успокоиться и спокойно жить прежней жизнью, уж она-то сама точно не выскажет своего живейшего интереса

к этой теме. Лиза, тяжело вздохнув, глянула на свое отражение в стекле книжного шкафа кабинета, но как мучительно – это ожидание, это бездействие, когда у тебя под носом чего-то задумывает целая банда иноземных шпионов. Это же так занимательно!

Ночью грохотала гроза, нагоняя в душу еще большей тревоги, заставляя ворочаться без сна на пышной перине. Наконец, усталость прошедшего и такого шевутного дня взяла свое. Наплывший сон все-таки заставил закрыть глаза, и уже утреннее, очищенное небо разогнало все Лизины страхи и сомнения, приглушая любопытство, возвращая к обычной жизни поместья.

Глава 4

Прошло два дня в привычном неспешном ритме жизни имения. Иван пропал, и Лиза подозревала, что он-то и был занят поисками решения нарисовавшегося вопроса, обшаривая окрестности. Андрей Николаевич появился к вечеру второго дня. Лиза не проявила ни малейшего интереса к его возвращению, даже не подумав, выйти поприветствовать опекуна, скользнув лишь краем глаза издалека по его статной фигуре нарисовавшейся на ступенях Большого дворца.

– Смурной он какой-то, – почему-то проявилось в голове наблюдение, но тут же ушло за более важными на данный момент делами. Ее гораздо больше занимали новорожденные щенки борзой, с которыми она провозилась почти до сумерек. Утром третьего дня Лиза проснулась от сильного шума за окнами. Накинув кружевной пеньюар, она вышла на балкон спальни и, подойдя к белоснежным перилам балюстрады между массивными гладкими боками колонн, глянула вниз. Целый обоз двигался по мосту и далее по дороге. Первые телеги уже скрылись за поворотом в парке. Цокали подкованные копыта лошадей, грохотали груженные с верхом, но полностью зачехленные телеги. Следом в телегах, свесив ноги, кто в лаптях, кто в сапогах, ехали мужики.

«Не деревенские, – отметила сразу Лиза, – похожи на мастеровых какой-нибудь артели». Спокойные лица, бородатые

и юнцы. Лиза насчитала порядка двадцати человек.

– Невероятно, – всё, чем смогла обозначить свое состояние Лиза. Настроение было испорчено с утра. Ее опять не ввели в курс дела. Что значит весь этот обоз, эта гвардия мужиков?

Лиза быстро надела свой привычный походный наряд, не зовя Дарью, кое-как заплетя косу и умывшись холодной водой из кувшина, помчалась, твердо намереваясь поговорить по душам с опекуном. И где ж, как не в кабинете папа его искать?

– Лизушка, да что ж ты неряхой такой, – выдохнула попавшаяся ей навстречу няня, – отвлекись от тебя только, ты же – барыня.-

Лиза молча махнула рукой.

«Много чести, – пронеслось в голове язвительное, – его ясные очи и такую Лизу потерпят.»

Она стремительно рванула дверь в кабинет. Сквозняком чуть подняло газовую штору у стеклянной двери и... пуста.

«Ну ладно, значит, придется поискать», – Лиза выскочила во двор. У фонтана Ян Карлович давал распоряжения старшему садовнику.

– Ян Карлыч, Ян Карлыч, – настойчиво позвала Лиза громким голосом, нарочно проявляя в нем хозяйские нотки, еще не добежав до управляющего. Ян Карлович даже вздрогнул.

– Елизавета Дмитриевна, душенька, что за беда стряслась? – в его всегда добрых глазах нарисовалось удивление.

«И его тронул мой вид, – тут же понеслись мысли, – только почему-то никого не трогает то, что произошло на ее глазах.»

– Именно беда, Ян Карлыч, кто мне объяснит, что творится в моем имении, куда отправился обоз и что намерены делать эти мужики в нем? —

Ян Карлович не просто озадачился, он несколько напрягся, видимо соображая, что такое важное он упустил, что заставило барыню подскочить ни свет, ни заря, да еще... как и выразиться-то, так скоро собраться.

– Голубушка, я право слово, вовсе не в курсе происходящего, вы уж уточните все у Андрея Николаевича, – только и смог выдать из себя управляющий.

– Да, что ж такое творится! Опять этот Андрей Николаевич! – Лиза, наконец, дала выход своим эмоциям, – что ж за такая вседозволенность? – она беспомощно оглянулась, – Ян Карлыч, я, как назло, найти его не могу, – тоном обиженного ребенка обратилась она к управляющему с лица, которого так и не сходило огромное удивление.

– Он в конюшню пошел, давеча, может там и пребывает сейчас, – робко определил он дальнейшие Лизины действия.

– Ну, ладно, – Лиза резко развернулась и почти бегом рванула к конюшне.

«Нет, это надо, – крутилось в ее голове, – что он о себе

возомнил? Совсем всё к рукам прибрать вздумал, единоличный хозяин!»

В конюшне царили сумрак и спокойствие. Утренняя уборка закончилась. Федор, как всегда, к этому часу, копался со своими делами около конюшни. Он кивком головы, молча, приветствовал хозяйку, нарисовавшуюся у распахнутых настежь огромных арочных ворот конюшни. Вот уж кто был совершенно равнодушен к ее виду, на лице не отразилось ровным счетом ничего, он лишь движением сильных рук снял тяжелое седло с вороного жеребца и, не обращая внимания на Лизу, начал внимательно осматривать подковы на копытах животного. Лиза зашла внутрь конюшни. Свет, уже вовсю хозяйничающего утра, пробивался через арочные окна под потолком. Прохладой одарил ее полумрак длинного помещения с рядами стойл. Пахло свежим сеном. Раздавалось похрапывание лошадей, которые равнодушно опускали морды в наполненные овсом кормушки. Барынька, увидев Лизу, негромко заржала. Лиза погладила свою любимицу.

– Прости, милая, – прошептала она, – я тебе вкусенького ничего и не принесла, по другому делу сюда зашла.-

Вдруг из дальнего конца конюшни, где хранились охапки свежей соломы и сена, послышались глухие звуки. Лиза осторожно двинулась туда, постоянно прислушиваясь, пытаясь определить природу этих звуков. Представшее перед ее глазами зрелище было действительно удивительным. Лиза даже несколько оторопела и несколько секунд безмолвно на-

блюдала за действием. К деревянной лестнице веревками был привязан кожаный мешок набитый соломой. Опекун в идеально белой блузе с расстегнутым воротом, в серых брюках с застёжками на две пуговицы и поддерживаемых подтяжками, усердно лупил кулаками, засунутыми в большие кожаные перчатки, по кожаному мешку. Причем делал он это размеренно, с какими-то замысловатыми движениями, переступая ногами и даже, слегка подпрыгивая. Спина его была мокрой от пота, но он продолжал молотить мешок, не обращая внимания на появившуюся рядом подопечную. Идеальная белизна рубашки несколько смутила Лизу, а она – то, барыня-графиня, да сейчас она более на странную бродяжку походила...

– Андрей Николаевич, – наконец, придя в чувство и обретя вновь способность к восприятию информации, громко произнесла Лиза.

– Доброе утро, Елизавета Дмитриевна, – как всегда ровным голосом, поприветствовал ее опекун, не прекращая своего занятия, и ведь точно сразу заметил ее появление, но уже в свою очередь выразил «фе», не торопясь отметить сей факт, – я весь внимание.-

Всегдашняя невозмутимость графа на фоне всего произошедшего просто взбесила Лизу, и она решительно кинулась в атаку.

– Андрей Николаевич, попытайтесь объяснить, что значит этот обоз? —

Возмущению Лизы не было предела. Такое пренебрежение к ее особе, Это он должен был прийти к ней и обстоятельно объяснить все готовящиеся им нововведения, прежде этого, элементарно, посоветоваться с ней, спросить ее разрешения, наконец, а она в неведении мечется, разыскивая его по усадьбе. Глупая, еще жалела его перед отъездом.

– Андрей Николаевич, да отвлекитесь вы от вашего дурацкого занятия, – гневно воскликнула Лиза. Как ни в чем не бывало, словно это он намеревался сделать и без выражения ее гнева, опекун остановился и обернулся к ней.

– Очень занятный вид спорта – бокс, – сказал он, снимая кожаные рукавицы.

– Ну, да, наслышана, – раздраженно воскликнула Лиза, – очередной вид мордобития-достойное занятие мужчин.-

– Мужчины, Елизавета Дмитриевна, это всего лишь самцы, причем плотоядные, хищники и выплеск агрессии, просто необходим для душевного равновесия.-

– Это часть мужчин, – мгновенно сработало пока всеобъемлющее чувство отрицания всему, что ни говорил бы с такой раздражающей Лизу уверенностью опекун, этот господин «вселенское спокойствие» – а все остальные... —

– А все остальные, – перебил ее опекун, – это травоядные, которых пасут женщины-хищницы.-

Лиза даже замешкалась, не зная, что ответить на такие мудреные фантазии философствующего опекуна. Она какое-то время, хлопая своими длинными, черными от приро-

ды ресницами, просто смотрела на Андрея Николаевича, напроць забыв и о причине своего присутствия здесь, и о своем, раздиравшем ее секунду назад, возмущении. Граф аккуратно сложил кожаные перчатки у лестницы и, взяв ослепительно-белое полотенце, вытер им лицо, покрытую потом шею, небрежно бросая полотенце на плечи. Наконец, Лиза проморгалась и оторопь, постепенно, но оставила ее. Тут же вернувшееся раздражение опять заполнило мыслящее пространство, до этого занятое, а вернее ничем не занятое в голове, оторопелой от мудреных слов Андрея Николаевича, Лизы, и она смогла открыть рот.

– Интересная теория, Андрей Николаевич, – выдохнула она, – мы всенепременно разовеьм эту тему, как-нибудь на досуге, а пока извольте объясниться по существу заданного мной ранее вопроса. —

– Что ж, Елизавета Дмитриевна, глядя на вас, – и он нарочно сверху донизу скептически оглядел Лизу, – я понимаю, что вы даже и не завтракали. Я приглашаю вас на чашку утреннего кофе, благо живем мы временно под одной крышей и я подробнейшим образом посвящу вас в мои планы. Он достал из кармана брюк золотую луковицу часов и, откинув крышку с изящными завитушками выгравированных букв, произнес: – вот, милейшая Елизавета Дмитриевна, до завтрака почти час. Надеюсь, у вас будет достаточно времени успокоить свое душевное волнение, – на этом он многозначительно глянул на нее. Ровный серый цвет вокруг зрач-

ков. Конечно, он даже не сочувствовал ей. Лиза лишь прикусила губу от злости и бросилась вон из конюшни. Как же ее раздражало это понимание – опекун спокойно, без лишних телодвижений и так уверенно берет бразды правления ее именем, ее собственностью в свои руки.

Тем не менее, ровно в десять аккуратнo уложенная, в простом без изысков, но платье, она вошла в салатовую столовую. Андрей Николаевич сосредоточенно читал газету. С поразительной скоростью он отложил газету в сторону, только стоило Лизе войти, подчеркивая этим, что он готов к встрече и даже ожидал ее. Пора же хозяйке, пусть и номинальной, узнать обо всех интригующих ее тайнах. Она мельком бросила взгляд на газету. Ну, еще бы! «Северная пчела» – сплошная политика, и немного литературы – негласный орган [битая ссылка] III Отделения, даже газета, которую она предпочитает, и та в пику ему – «Отечественные записки», вот уж где дух вольнодумства. В столовой кроме них никого не было.

– Новости из газет, как источников информации, ценнейший материал, особенно в совокупности узнанного из максимального числа изданий, – прозвучал ровный голос опекуна.

«Он что и мысли читает? – пронеслось моментально в голове удивленной Лизы, – уж как-то нужно постараться не заострять на чем-то внимание, а то, как открытая книга для этого деятеля буду».

– Позвольте, я за вами поухаживаю, – поднимаясь, произ-

нес Андрей Николаевич, – разговор наш будет конфиденциальным, поэтому я возьму на себя роль вашего слуги. –

Он уже переоделся, явно принял ванну, выглядел совершенно бодрым и, как всегда, абсолютно непошибаемым.

«Господин «вселенское спокойствие», – привычным раздражением поднялось противление, и Лиза упорно не проносила ни слова.

– Пресса в наше время, Елизавета Дмитриевна, – продолжил невозмутимо начатую тему граф, хотя наверняка уловил ее состояние, – позволяет получить весьма любопытную и полную картину, а уж с такими достижениями, как фотография и телеграф! Скоро о театре боевых действий мы будем получать исключительно достоверную и почти мгновенную информацию. Наши союзники в нынешний поход отправились, как на увеселительную прогулку, хотя и вооружившись до зубов новейшими достижениями ума в данной сфере человеческого общежития – кто быстрее и, простите за оборот, крепче сыграет мускулами. Чего только подбор кораблей стоит – ни одного парусника, заметьте, все винтовые, на паровом ходу, да еще и в компании бравых репортеров всевозможных европейских изданий. Взгляд изнутри. Закончится, уверяю вас, всё, как всегда. Наделают беды. Рано или поздно, но проиграют компанию и в своем дурном вкусе обвинят во всем диких необузданных русских варваров. А с обиды начнут где-нибудь, втихую, с игры разведок, новую компанию. Русские уж очень занятные игроки в шпи-

онских играх, сильные, поэтому и интересные. Ну, да ладно. Я ж пригласил вас на завтрак, извините за столь длительное отступление.-

Опекун довольно ловко, «словно не впервые ему доводилось делать это», – тут же отметила Лиза, разлил из фарфорового высокого кофейника с кобальтовыми, изящными завитушками и нежными букетами, разбросанными по крышке и бокам белой посуды, кофе по чашкам, выполненными в том же стиле.

– Люблю чайком побаловаться, да и от удовольствия испить пару чашечек кофе в полном одиночестве тоже не отказываюсь, – снова напряг Лизу чтением ее мыслей опекун, и, с вполне невозмутимым видом, сел напротив.

– Елизавета Дмитриевна, я решил продолжить строительство Малого дворца, – просто, без изысков начал он разговор.

Лиза чуть не поперхнулась кофе.

– Андрей Николаевич, я, конечно, понимаю, что вы невысокого мнения об умственных способностях девочки сидящей напротив вас, но вы хотя бы меня в известность ставили, прежде чем принять какое-либо решение, – наконец, выдала Лиза, хотя и в краткой форме всё, о чем думала, бегая в поисках графа по усадьбе утром.

– Елизавета Дмитриевна, решение принято так скоро и, в общем-то, несколько неожиданно даже для меня по причине..., – он вдруг запнулся и, улыбнувшись, быстро закон-

чил, — по причине вашего особого интереса к данному объекту.-

— А с чего вы, Андрей Николаевич, решили, что у меня есть особый интерес, как вы выразились, к данному объекту, — Лизу больше не интересовал кофе, внутри всё начинало закипать и отнюдь не от ее, конечно, не нужно себя обманывать, в очередной раз нарушенного самолюбия хозяйки, хотя пока получается и будущей, но уже крупного и весьма процветающего поместья.

— Елизавета Дмитриевна, не трудно заметить, что все ваши прогулочные маршруты лежат через эту незаконченную стройку, да и общение с Яном Карловичем дает кое-какую информацию. Вы удовлетворены ответом? —

Лиза резко отодвинула чашку с недопитым кофе в сторону. Кофе расплескался темным пятном, расплывшись по белоснежной скатерти.

— Вы что, граф, меня совсем деревенской юродивой считаете? Объясните внятно и, желательно, ничего не скрывая, зачем эта толпа мужиков? —

А вот тут Андрея Николаевича явно проняло. Он откинулся всем своим атлетическим корпусом назад, рассматривая Лизу, упершись прямой спиной в резную, с золочеными вставками, спинку стула. В глазах промелькнул интерес, а на лице нарисовалось ярко выраженное умиление.

— Вы проницательны, Елизавета Дмитриевна. У вас редкостный ум для девушки вашего возраста и особенно кру-

га, – произнес опекун, правда, с некоторой иронией, словно не до конца доверяя собственному выводу, – строительство будет использовано, как наблюдательный пункт. Эта, как вы выразились, «толпа мужиков» будет и строить и, не привлекая к себе внимание, патрулировать побережье и окрестности усадьбы, неся, в том числе и охранные функции. Смею заверить вас, милейшая Елизавета Дмитриевна, да и предвосхищу ваши законные вопросы, часть из этой толпы действительно строительная артель, другая часть – казаки, опытные пластуны, кстати, они сослуживцы Ивана, и вы очень зря с таким пренебрежением отзываетесь об этих людях. В данных условиях, которые требуют максимальной скрытности ведения любых разведывательных действий, пластуны самая, что ни на есть подходящая составляющая. Еще раз подчеркну – решение принято даже не мной и на самом высоком уровне.-

– Ну, уж наверняка с вашей подачи, – все-таки не упустила случая съязвить Лиза.

– Вы правы, – лишь усмехнулся граф, – план действий был всецело разработан мной.-

Лиза несколько мгновений рассматривала в упор опекуна, сидящего перед ней невозмутимо, даже с тенью усмешки в глазах, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

«Поразительное умение держать себя в руках, – лишний раз убедилась Лиза, – хоть что-то может внести сумятицу в голову этого господина «высокодержитенос», а это да-

же лучше, господина «вселенское спокойствие», – нелепая мысль прибавила настроения, добавляя желания пообщаться дальше.

– Как же вы спокойны, Андрей Николаевич, ящики из-под носа увели, вы так и не узнали, что в них, – запустила свои цепкий коготок любопытства Лиза. Опекун хмыкнул. Конечно, он всё понял. Понял, но все-таки ответил.

– Операция эта носит сугубо локальный характер, поверьте мне, Елизавета Дмитриевна. Отсюда пробираться с тяжелыми ящиками в Петербург... – он красноречиво глянул на Лизу, – нам только остается набраться терпения, либо они сами объявятся, либо на помощника их местного выйдем, время решит за нас.-

– Что ж, граф, благодарю за кофе, вот теперь я удовлетворена вашим ответом, – вставая, бросила Лиза. Она, было совсем, направилась к двери, но вдруг остановилась и решительно развернулась, возвращаясь к столу.

– Андрей Николаевич, откуда такое пренебрежение и уверенность в недостаточности, даже неполноценности женского ума. Вы преподносите себя просвещенным человеком, но такие патриархальные взгляды.-

Опекун не удивился вопросу.

«Зацепило», – уверенностью читалось в его глазах.

– Исключительно из личного опыта, милая Елизавета Дмитриевна, я несколько старше вас и уже кое-что успел понять в этой жизни – усмехнулся он.

– Значит эмансипация и свобода женщины вам противны? – с вызовом произнесла Лиза.

– Отнюдь, – спокойно возразил опекун, – вот что вы понимаете под понятием – «свобода женщины», ну, кроме безоговорочной свободы ношения брюк, как элемента мужской одежды. Подражаете Амандине Авроре Люсиль Дюпен, этакая слабость сильной женщины? Вызов обществу, как и ее вызов —вызов известной личности? —

– Да, я не буду отрицать – Жорж Санд входит в круг уважаемых мной писателей и личностей, но ношение брюк всего лишь вынужденная необходимость удобства одежды в моем случае, а писательница... —

– Хорошо, оставим баронессу Дюдеван в покое, – оборвал ее, согласно кивая головой, Андрей Николаевич, – вернемся к изначальному вопросу, что для вас понятие «свобода женщины»? —

– Право принятия самостоятельных решений, – не задумываясь, твердо произнесла Лиза.

– А вот вам моя теория, – опекун даже как-то собрался, видимо для более полного доведения до нее своей теории, или это Лизе только показалось, но выражение лица его было вполне серьезным, – в таком случае вы рискуете превратиться в женщину-хищника и загнать мужа под каблук, либо совсем превратить его в чужого вам человека, живя собственной жизнью.-

– Полнейшая глупость, – горячо возразила Лиза, – я всего

лишь собираюсь быть рядом с ним и помогать ему.-

– Тогда вы рискуете подчиниться воле мужчины-хищника.-

Лиза тяжело вздохнула. Господи, с таким серьезным видом произносить немыслимые глупости. Нет, граф просто издевается над ней, воспринимая совершенно несерьезно даже с некоторым снисхождением, как несмышленного избалованного ребенка.

– Значит, для вас не имеет место еще какой-либо тип отношений между мужчиной и женщиной, – с вызовом глядя ему в глаза, проговорила Лиза.

– Да что вы, помилуйте, – всё так же серьезно, продолжал граф, – я просто объяснил вам некие правила, но из правил всегда бывают исключения, хотя очень редко. Именно потому, что они исключения.-

– И в чем же состоят эти исключения? – иронично поинтересовалась Лиза.

– В общности целей людей и не подавления воли любого другого человека. Видите, Елизавета Дмитриевна, я тоже за свободу личности, но несколько в другом ракурсе. Чрезмерная эмансипация – прямая дорога к разнузданному нигилизму, а свобода и нигилизм – несколько разные вещи, в общем, говоря о свободе – не забывайте об обязанностях, и тогда вас ждут гармоничные отношения. Елизавета Дмитриевна, я вам все-таки советую повременить с вашими изысканиями в окрестностях усадьбы, это действительно становится

небезопасным. —

Невероятное окончание философской беседы. Лиза скептически посмотрела на него и, чуть скривив губы, заявила: — я подумаю, — тоном, не оставляющим сомнений об ее обратном решении. . .

— Лизонька, что это, ты глянь, милая. Вот басурмане, чего их несет, — няня Пелагея озабоченно смотрела в окно Лизинго кабинета. Она только что распахнула створки высокого окна, как обычно, заботясь о чистоте воздуха в кабинете ее голубки.

— Зачитаешься ведь, — выговаривала она частенько Лизе, — голова-то закружится, с лица спадешь, подурнеешь. И зачем молоденькой девушке мучить голову книжками, да науками, что за прихоть? Для замужества надо голову беречь, там совсем другим заморачиваться придется, а наукой и книжными мудростями пусть мужики занимаются, им о своей красоте печься незачем, чай не девицы красные. —

Лиза спокойно отложила книжку и подошла к окну. Деревенские мужики толпой входили во двор, останавливаясь у парадного крыльца. После завтрака с опекуном это, как раз, и было тем событием, о котором Лиза могла только мечтать. Ну, наконец, хоть что-то смутит этого сноба-графа, господина «высокодержитенос». Что он там говорил о серьезности и продуманности его действий?

— Решились все-таки. Посмотрим, — позлорадствовала Лиза. Она выскочила в дверь и бегом спустилась по лестнице.

Это зрелище – объяснение графа с мужиками никак нельзя было пропустить. И как теперь будет выкручиваться столичный щеголь? Мужики толпились уже у самого крыльца, гудели, переговаривались. Лиза тихонько встала за колонной, она уж точно не будет влезать в разговор, пусть сам объясняется. Андрей Николаевич не заставил себя долго ждать. Он появился в сопровождении Яна Карловича, уверенно прошел по мраморному крыльцу и остановился перед самими ступенями. При его появлении гул стих.

– Ну что, мужики, чего пришли? – опекун выглядел совершенно спокойным, по крайней мере, внешне его, похоже, совершенно не тронул неожиданный визит такого количества сельских. Высокий, крепкий он стоял, убрав руки за спину, твердо упираясь чуть расставленными ногами в мрамор крыльца, внимательно вглядываясь в мужиков. От него веяло такой силой и уверенностью, что мужики даже замешкались.

– Староста, чего хотите? —

Пантелеймон Данилович от непосредственного к нему обращения, пришел в себя и важно вышел вперед. Он снял картуз и начал мять его в руке.

– Да что, барин, хотим узнать, почто запрет такой вышел, на работу, на найм в город уходить? Мы графине, как оброк платить будем? Покойный барин не противился и препятствий не чинил. Графиня молода, может, чего не понимает, — Пантелеймон Данилович выжидающе посмотрел на графа.

– Что ж, мужики, – все так же спокойно и уверенно начал Андрей Николаевич, – распоряжение такое исходит исключительно от меня. –

Мужики загудели.

– С чего бы? – выкрикнул Петька, придвинувшись ближе к отцу. Гул голосов усилился.

– Да, обскажи, барин, какова рожна? – слышались выкрики из толпы.

– На том основании, – лишь слегка повысил голос Андрей Николаевич, и его спокойный, полный уверенности голос заставил стихнуть толпу мужиков, – на том основании, что я на год по завещанию покойного графа Ланского назначен опекуном юной графини с правом распоряжения над ее движимым и недвижимым имуществом, – и Андрей Николаевич выжидающе смолк. Гул сначала усилился, но тут уже не выдержал Пантелеймон Данилович.

– Тихо мужики, давайте послушаем, чего нам новый барин скажет, раз он теперь главный, – и вопросительно посмотрел на графа, давая тому понять, что ждет от него весомых объяснений.

– Политика ведения хозяйства будет следующей. Я даю вам всем вольную, вам и вашим семьям. –

Глухая тишина повисла над площадкой перед мраморным крыльцом барского дома.

Ни единого возгласа, даже, кажется, мужики и дышать тише стали, от услышанного просто перехватило горло. Состо-

ание Лизы тем более невозможно было описать доступными ей словами. Замешательство, непонимание, может, не дослышала, о чем он вообще говорит? Какая вольная? Как... когда... на каком основании он декларирует подобное решение? Даже Ян Карлович как-то странно глянул на опекуна. А вот уж кто был совершенно невозмутим, так это, конечно, опекун – непосредственный виновник переживаемого сейчас массой народа гнетущего смятения.

– В любом случае, отмена крепостного права дело недалекого будущего, – тоном знатока ничуть не дрогнувшим, наоборот, в этой неестественной тишине, так естественно спокойно звучащим голосом доносил граф до всех свои слова, – всем нарежутся земельные наделы в личное пользование. А вы и ваши семьи по найму за денежную заработную плату будут приняты на работу на предприятия Ланских, кожевенный завод, кирпичный завод, маслобойки и сыроварни. Уже действующие предприятия, которые будут обновляться и расширяться, и на новые, которые непременно будут создаваться. Рабочих рук нужно много, поэтому думайте, если смысл вам уходить в город? – ответом было всё тоже гробовое молчание. Такого поворота мужики явно не ожидали. Ох, долго еще приходиться им в себя от таких известий, чеша в затылке, к добру иль к худу. Что касается Лизы – потрясение ее и не думало оставлять. Это уже не походило, ни на легкие реформы, ни на просто реформы, ни на вообще никакие реформы, это было уже ...революцией, именно ре-

волюцией местного масштаба. Она и сама что-то подобное представляла, но решить так всё кардинально, у нее не хватило бы духу.

– Если будет нужда, помогу с реализацией произведенного и выращенного в вашем личном хозяйстве. Спорить не будете, что самым осуществить это очень сложно, – мужики, потихоньку выходящие из ступора, в ответ лишь дружно, словно загипнотизированные взглядом и словами умелого гипнотизера, согласно закивали.

– На следующей неделе приедут писцы из палаты гражданского суда для составления актов по Своду законов. Мужики, неделю вам сроку, обдумайте все серьезно, подготовьте списки желающих и оформим всё, как положено. Да, – Андрей Николаевич обратился уже непосредственно к Пантелеймону Даниловичу, так и стоящему впереди толпы мужиков с картузом в руках, – староста, если не затруднит, пройдемте в кабинет, мне еще с вами нужно кое-что обсудить. Ну, а остальные свободны, – повысив голос, обратился он ко всем мужикам. И мужики послушно, без выкриков и возмущения, постепенно приходя в себя, негромко переговариваясь, заинтересованно обсуждая услышанное, пошли со двора.

– Крут новый барин, эвон чего задумал, – только донеслось до Лизы.

Граф, Ян Карлович и дядька Пантелей прошли в кабинет. Лиза влетела следом.

– Андрей Николаевич, может, теперь мне объясните, о чем сейчас шла речь, – возмущенная Лиза гневной фурией стояла напротив Андрея Николаевича, не обращая внимания на явно смущенного ее воинствующим видом дядьку Пантелея, – что за революция местного масштаба, возомнили себя таким гениальным экономом? —

– Ну, что ж, Елизавета Дмитриевна, принимаю это за комплимент. Вы умная девушка, я думаю, премного осведомлены о различных теориях ведения хозяйства, я могу лишь повториться, вам остается одно в данной ситуации – довериться моему опыту. Оставьте решение таких серьезных вопросов мужчинам. —

У Лизы не было слов.

– Вы мне глубоко антипатичны, – гневно сверкнув глазами, только и нашла она, что выдать опекуну и, развернувшись, выскочила из кабинета.

– Резко, но правдиво. Искренность – похвальная черта, особенно для юной барышни, – спокойно бросил вслед захопнувшейся с грохотом двери Андрей Николаевич и, нимало не смущенный случившимся, указал на стул оторопелому дядьке Пантелею.

– Пантелеймон Данилович, у меня к вам серьезный разговор, очень прошу вашей помощи.-

Андрей Николаевич сел на краешек стола напротив старосты. Такое обращение привело в чувство дядьку Пантелея.

«Гляди-ка и имя даже знает», – промелькнуло у него в го-

лове.

– Ну, слушаю, – степенно произнёс он, но пока еще насто-
роженно, подчеркивая недоверие к новому хозяину.

– У нас здесь – в усадьбе, в селе, на берегу, пока до конца
не ясно, ожидаются серьезные события. Скорей всего вой-
сковая операция союзников – высадка десанта.-

– Мать честная, святая богородица, – только и выдохнул
староста, – да на кой нам беда такая. В прошлом годе Солов-
ки обстреляли и финцев потрясли, не дремучие какие, и мы
газеты петербургские почитываем, слыхивали мы об этом.
А у нас чего им понадобилось? —

– Точно пока не скажу. Мне помощь ваша нужна будет.
Казakov выделили, но мы не имеем данных, какими силами
будет осуществлен десант и есть ли необходимость подтяги-
вать сюда серьезные силы. Привлекать к себе внимание из-
лишними действиями тоже не имеем права, отпугнем их –
проведут операцию в другом месте, в общем, сам понима-
ешь, ситуация серьезная, а данных пока никаких.-

– Да, да, батюшка, – горячо закивал явно взбудораженный
такими новостями больше, чем разговором перед крыльцом
Пантелеймон Данилович, – ты скажи, чего от нас потребно,
а мы уж конечно, что ж не помочь. Пожгут супостаты село –
нам горе хлебать.-

– Слышали небось, что продолжено возведение Малого
дворца? —

– Ну, а то, – горячо закивал дядька Пантелей, – чай неда-

леко мы.-

— Там работают мои казаки, ну, конечно и патрулируют район. К сожалению, пока место дислокации гостей не выявили, но думаю это всего лишь вопрос пары дней. Своих мужиков выделяй на стройку. Пока не объясняй, зачем. Время придет, поставим в известность. Пусть с казаками знакомятся — в бою легче будет. Платить будем, как положено за поденную работу. Оружие в селе имеется? —

— Как же, барин, — обиженно протянул староста, — мы ж тут все охотники, в каждом доме по ружью, а то и два.-

— Как время придет, мужикам все обскажешь и выделяй таких, чтобы мигом в село могли обернуться обязательно с лошадыю, время упустим, гостям волю дадим.-

— Да ты, барин... —

— Андрей Николаевич, — прервал старосту граф.

— Ну, да, Андрей Николаевич, не переживай, нам лихие гости не нужны, нам жить спокойно хочется.-

— Вот и отлично, — подытожил граф, — если кто-то чужой в селе объявится, дайте мне знать. И еще. Пока в селе о нашем разговоре никому. Буду честен — серьезные подозрения у нас имеются — кто-то из ваших селян гостям нашим помогает. —

Потрясенный дядька Пантелей на такое заявление и потерялся, не зная, что сказать. Он молча, лишь недовольно качая головой, смотрел на графа.

— Сам понимаешь, дело очень серьезное, а если дойдет

до него... – опекун выразительно покачал головой.

– Не дойдет. Не дойдет, – горячо поторопился заверить его дядька Пантелей, – знать бы кто, вот этими руками бы, – и староста красноречиво показал, как бы он скрутил голову-то злодею неизвестному.

– Да, если хоть что-то гости узнают – вся операция на-марку. Ну, кажется, всё решили, – сказал Андрей Николаевич, вставая со стола и подавая руку старосте. Тот потряс руку графа и, уже совсем было, направился к двери, но, замедлившись, смущенно кашлянул.

– Я тут сказать должен, барин, – робко начал он.

– Говори, – подбодрил его Андрей Николаевич.

– Может не мое дело.., но графиня..., она шибко отцу помогала с больницей, можно сказать, по ее просьбе дохтор у нас появился, даром, что молодая и девка, и школу тоже... Учителя и врача оплачивает, даже сейчас, всё справно после смерти хозяина нашего, графа Дмитрия Евграфовича, мы общинных денег не вносим, мы ее сызмальства знаем. Малость чудаковатая – это имеется, так ведь, почитай, сирота, добрая душа она.-

Андрей Николаевич, уже успевший занять кресло за столом, задумчиво постучал пальцами по столу: – добрая, говоришь.-

– Ты вот еще, передай матушке-графине нашей, – продолжил староста, – что согласна баба моя ее предложению. Обучит она баб да девок сельских кружева вязать, зачем и это

дело, чего-то зимой без дела сидеть, всем польза.-

Андрей Николаевич, не сдержался и удивленно хмыкнул.

– Хорошо, передам уж, – заверил он старосту и добавил, адресуясь Яну Карловичу, – активность женщин становится прямо-таки двигателем российской экономики, – и уже стирая с лица ухмылку, очень серьезно обратился к старосте, – хорошо, Данилыч, связь держи через моего ординарца Ивана, да ты с ним должен быть знаком.-

– А как же, – горячо закивал староста и это привычное обращение – «Данилыч» окончательно подкупило его, заставляя совершенно поверить новому барину, – он с графиней Елизаветой Дмитриевной к нам наведывался в село-то.-

– В общем, надеюсь я на тебя, Данилыч, – уже по —простому закончил граф.

– Да ты, Андрей Николаевич не переживай, в войне 12 года всем миром Рассею отстояли, ужель на своей земле супостату хозяйничать дадим.-

– Ну, на том и порешим, – резюмировал итог встречи на высочайшем уровне Андрей Николаевич.

Лиза стояла у окна кабинета, напряженно вглядываясь в морскую гладь. Сказать, что она была потрясена произошедшими сегодня событиями... нет, она была не просто потрясена. Она была просто убита, а хуже всего – здравый раскусок, который привычно, четким пониманием вносил в ее мозги ясное видение всей картины в целом, тем самым изменяя ей самой, бросая ее душу в полнейшее смятение. Чув-

ства понимания и уважения к Андрею Николаевичу за смелость принятых им решений боролись с ней с безмерным возмущением и гордостью униженной хозяйки, которая в последнюю очередь узнает о прожектах самым прямым образом касающихся ее лично, а более! Более всего злило, как легко и просто, щелчком пальцев, он решил эту сложнейшую ситуацию с крестьянами, как же он был убедителен, как же...

В дверь постучали.

– Да, – нервно бросила Лиза, оборачиваясь. Конечно, это был граф. Его вид насторожил Лизу. Он стоял у двери и, кажется, пребывал в искреннем смущении или это только кажется? Лиза опять уставилась в окно, впрочем, не воспринимая картинки за ним, вся с головой в захлестывающем ее возмущении.

– Елизавета Дмитриевна... —

Да нет, не кажется, уж очень осторожно он начал, и таким мягким был его голос.

– Староста рассказал мне... В общем, я вынужден снять шляпу и извиниться... совсем не детские проекты, которые вы осуществили в помощь вашим крестьянам... Я имею ввиду школу и больницу.-

Лиза совершенно не собиралась сдаваться. Ведь сейчас виноват именно он, и он это отчетливо осознает, вон, как мягко стелет.

– Это было давно и при живейшем участии моего папа, – не отводя глаз от окна, ледяным тоном произнесла Лиза.

– Да. И еще, – всё так же, чуть запинаясь смущенно продолжил граф, – жена старосты дала согласие на ваш новый проект, признаю, что и этот проект весьма интересен и, если будет на то ваша воля, готов помочь вам... – Андрей Николаевич замолчал, ожидая ее ответа, но Лиза лишь опять соизволила обернуться и глянуть на него долгим отстраненным взглядом.

«Господи, а глаз-то какие виноватые, прямо прослезится сейчас», – все-таки прорвала бурю возмущения ехидная, но от этого осознанно сформированная мысль. Опекун вдруг порывисто шагнул от двери и встал прямо напротив, возвышаясь над ней, заглядывая в ее глаза, словно говорил: «вот я весь, как на ладони и намерен говорить сейчас только правду».

– Елизавета Дмитриевна, я пытаюсь достучаться до вас. Поймите. У меня нет опыта не то, что воспитания юных барышень, но и близкого общения с такими юными особами.-

Лиза не собиралась сдаваться и жалеть его, больше она не позволит себе такого унижения.

– Но и вы поймите меня, граф, – горячо воскликнула она, не отходя от своего титульного обращения, поднимая еще выше подбородок, отвечая на его прямой взгляд, таким же открытым искренним взглядом, – я пытаюсь научиться жить сама, принимать решения, а вы... вы пресекаете все мои попытки поучаствовать в любых событиях, касаемых моей жизни. Вы хотя бы могли просто, просто объяснить мне все

ваши прожекты, ваши намерения насчет моего имения. Откуда такая глубокая уверенность в скорой отмене крепостного права, вы осведомлены о таких серьезных вещах, что так легко играючи рискуете положением моих дел, даже Ян Карлович вам доверяет и не перечит, что говорит о полном его доверии к вам, и лишь одну меня вы не считаете нужным посвятить во все происходящее, похоже, я просто недостойна вашего участия! – и Лиза, закусив губу от обиды, еле сдерживая слезы, опять отвернулась к окну. За спиной прозвучал тяжелый вздох.

– Елизавета Дмитриевна, я даже не знаю, как вам объяснить... тут так причудливо переплелись события... я многого просто не имею права открыть вам. Поверьте, подготовка реформы об отмене крепостного права идет полным ходом, и этот вопрос решится уж не в таком далеком будущем. Но всё ли пройдет гладко, все ли будут довольны? А вдруг начнутся бунты, я и пытаюсь предупредить такое развитие событий. Пока я ваш опекун, пока я могу что-то сделать реальное для вас, я обязательно сделаю. К сожалению, всё это происходит в такое неподходящее время, когда мы только-только знакомимся с вами, и я даже затрудняюсь...

– А знаете, граф, – нетерпеливо прервала его Лиза, резко поворачиваясь к нему – вы не затрудняйтесь, вы делайте то, что считает нужным. А я буду поступать так, как кажется нужным мне и тогда, мы придем к совершенно гармоничным отношениям, – в ее словах звучал откровенный вызов. Се-

рость вокруг значков моментально наполнилась блеском металла, делая лицо опекуна жестким и непробиваемо холодным.

– Хорошо. Хорошо, – слова звучали привычно спокойно, но лед в его голосе не предвещал ничего хорошего, никакого снисхождения, – предлагаемое мной перемирие вас не устраивает, значит, все мои приказы остаются в силе. Из усадьбы – ни ногой, – опекун, решительно развернувшись всем корпусом, покинул кабинет, громко хлопнув дверью.

«Вот и все отношения с новым человеком, должным по воле покойного батюшки заменить его опеку над ней, – услужливо проявилось в сознании, – она хлопает дверью, он хлопает дверью и выхода из конфликта сторон даже не видится. Простите меня, папа.»

– Лизонька, чего это с графом, он такой надутый выскочил от тебя, – удивленно произнесла вошедшая следом няня Пелагея и буквально столкнувшись с Андреем Николаевичем в дверях.

– Перемирие! – воскликнула Лиза, передергивая опекуна, – не слишком ли он много хочет, возомнил себя тут, – и, вздохнув, тихонько произнесла, – значит, сегодняшней ночью придется быть более осмотрительной.-

Глава 5

– Барыня, осторожно. Держитесь за руку.-

– Ой, Глаша, сейчас точно грохнусь, – зашлась тихим смехом Лиза, которая, держась за Глашину руку, осторожно спускалась по парадной лестнице. Свечу не зажигали, да и летняя ночь, пронизанная светом полной луны, была уж не такой непроглядной. В сумраке терялся танцевальный зал. Вышли через мраморную столовую, буфетную и узкий коридор для подачи блюд на кухню, бесшумно ступая ногами в лаптях, осторожно проходя по длинному помещению, стараясь не задеть кастрюли и сковородки, и выскочили в прозрачную ночь, тихонько посмеиваясь. Ночь Ивана Купала. Разве могла Лиза пропустить такое веселье. Каждый год с сельскими девками и парнями она водила хоро-воды вокруг костра, пела протяжные песни, прыгала через очищающий огонь. Кипела кровь предков, передавая из седых веков понимание глубины единения с этим лесом, рекой в теплой ночи, мерцающей лунной дорожкой, всего окружающего: шелестящего, шумящего, пищащего и вздыхающего порывом ветра, всего живого вокруг, когда-то в забытые времена обозначенное одним словом – «явь». Ох и заводит языческое веселье, пробуждая в душе древнее, непонятное, женское, пока глубоко спрятанное, освобождая от стального панциря светского лоска, разрывая путы памяти, выдавая

наружу прочно спрятанное за веками цивилизации. Магию соприкосновения души человеческой – убогого, слабого существа с пронзительной глубиной вселенной, которая сливается четко слышимым в эту ночь шепотом далеких миров и близких видимых звезд с разбуженным пляшущими языками купальского костра, выбрасывающего искры в бездонную высь ночного неба, шестым чувством, усиливая магию и укрепляя связь любого, пусть неосознанно, но желающего слышать уже не шепот – крик всех миров, человек ты не слабое существо – ты наша полноценная часть. Нет, Лиза просто не могла пропустить такое. Пусть опекун грозил самыми страшными карами. Да и спит он уже в это время. А в такую ночь спать грешно, от нечистой силы караулиться надо, русалки свои хороводы водят в эту ночь, да и весело ведь юному существу, когда уже теплая ночь и является его основным соучастником и хранителем всех проказ кипящих чувств рассвета жизни. Глаша надела на голову Лизы заранее сплетенный венок из различных трав с одуряющим запахом разнотравья, благоухающим посильнее любых парижских парфюмов.

– Давайте, барыня, я вам траву обережную на пояс приспособлю, – заботливо нагнулась Глаша, доставая из того же схрона среди кустов, откуда и был извлечен венок, приготовленные заранее травяные пучки.

Лиза, опустив голову, не скрывая нетерпения, перетапываясь ногами в лаптях, наблюдала, как Глаша аккуратно при-

крепила на красный витой шелковый пояс, обвивающий талию пучки зверобоя, полыни, крапивы. Длинная льняная сорочка – опять же Глашин подарок, с богатой вышивкой на груди, скрывала девичье тело с головы до пят, лишь небольшой разрез на шее, украшенный витой красной тесемочкой, чуть-чуть открывал шею. Волнистые пряди волос выбивались из небрежно заплетенной косы, падая, обрамляя, горящие огнем ожидания необузданного веселья щеки и опускались на плечи. В полумраке летней ночи, подсвеченной ликом полной луны, они с Глашей могли бы удивить любого заплутавшего путника, который, накладывая крестные знамения, непременно метнулся бы от девушек без оглядки, уверенный – повстречался он с нечистой у реки – русалками, вышедшими порезвиться среди берез. Так, тихонько посмеиваясь, переглядываясь, пройдя по мостику через рукотворный рукав реки, прорытый для питания каскада и фонтана, девушки, перебежав укатанную дорогу, посыпанную, отсвечивающим в свете луны белым песком, сбежали уже вниз, по склону за усадьбой, прямо к реке. Еще немного времени хода вдоль русла широкой реки, которая, направляла свое неторопливое движение к селу Вознесенскому, охватывая его полукольцом и дальше, спокойно и величаво, несла свои воды через дремучие леса, разрывая всепроникающей мощью вод скалы, направляя свой бег в одно из больших озер, питая дальше уже водами другой реки болота этих суровых мест. Огромный купальский костер был замечен издалека,

ярким светом озаряя окрестности, бесконечной игрой своих пламенных сполохов даруя веселье и беззаботную, очищающую разум от былой скверны людских страстей, купальскую, незабываемую ночь. В ночные шорохи и тихие звуки врываются громкий звонкий смех и вскрики молодежи. Оживленная шуточная перепалка между девушками и парнями привычно продолжала древнюю традицию выбора своего возможного будущего спутника, пока так, не открыто, осторожно прокладывая себе дорогу звонким метким словом, веселым взглядом и вдруг зардевшимися от откровенного подмигивания, щеками. Опять заливисто громче всех визжала толстая Маняха, шепутная молодуха, оставшаяся вдовой всего через год после свадьбы, наверняка зажимаемая одним из деревенских. Лиза с Глашей, многозначительно переглядываясь и делая круглые глаза, подошли к реке, уверенно скинув плетеные лапти, босиком, ступили в ласково обнимающие ноги, нагретые дневным теплом, воды реки. Это был давний, придуманный ими и только их, общий ритуал – перед очищением огнем отдать дань водной стихии, помочить ноги в воде. Где уж это Лиза вычитала, а может в своей голове нашла, но каждый год, сколько себя помнили девушки, таки образом они пробирались к костру, шепча про себя, понятные только каждой из них слова посвящения хозяину здешних вод – водяному. Тихонько, стараясь не плеснуть, они ступали по песчаному дну, не замечаемые никем, защищенные тенью берега. Пройдя по воде, они вышли на берег, бросив тут же

лапти. Босые ноги приятно касались мягкой травы. Природа, за день напоенная теплом летнего солнца, отдавала его ночи. Благоухание трав и запах реки смешивались, дурманя и кружа голову. Река поблескивала металлическим лунным светом, и языческий светлый праздник шел полным ходом. Лиза с Глашей вышли из тени, ступая на край освещенного костром круга. Заранее срубленная березка в полтора человеческих роста — «купала», заботливо украшенная девушками разноцветными лоскуточками, высилась недалеко от огромного купальского костра, а под березкой лежало соломенное чучело Ярилы, украшенное цветами и лентами

– А вот и мы, – выдала, смеясь, Глаша, – весело-то как у вас тут! —

– Погляньте-ка, наша ведьмочка пожаловала, – Маняха, отодвинув от себя крепкой рукой щуплого парня, до этого, как-то не очень уверенно прижимавшего ее за место, где предполагалась талия, поднялась с бревна у костра и, подбоченясь, встала напротив Лизы, -Лешего за спиной не привела, аль черта лысого? – оборачиваясь, крикнула Маняха в толпу молодежи, откуда послышались редкие смешки. Лиза даже несколько замешкалась, обычно встречали ее здесь более доброжелательно.

– Да будет тебе, Манях, – миролюбиво осаждала молодуху Глаша, – не к тебе, чай, в гости зашли, пропусти уж. Твоего интереса нам точно не надобно, – уже с насмешкой добавила Глаша. И здесь раздался дружный хохот окружающих.

Маняха, услышав за спиной смех и поняв, что продолжения темы не ожидается, лишь хмыкнула.

– Ладно, не бойсь, проходи, не тронем, – отходя в сторону, освобождая проход к костру, бросила она уже несколько успокоенная, но еще с явно не прошедшим пылом задир. Но, как не крути, быть предметом потехи Маняхе тоже не хотелось. Она, молча, вернулась на бревно и резко прижалась к себе щуплого парня.

«Хоть такой, да всё мужик под боком, не одиночка-вдовушка забытая», – читалось на лице Маняхи. Давняя эта была история – неприкрытая страсть Маняхи к Петру. Изводилась в девках сама, сохла по парню, ему прохода не давала, открыто ревновала чуть ли не ко всем девушкам села, а уж, как ревновала к молодой графине. Стала даже пошмешницей, когда в наезды ее в село сидела под окнами старостовой избы, словно сторожевой пес. Та была частой гостьей в доме старосты общины. Сначала с отцом навещалась, а потом и сама стала заезжать, причины к тому были, помимо дружбы с Глашей еще и дела серьезные с больницей и школой. А когда во время обсуждения на очередных сельских посиделках персоны графини, Петр не выдержал и высказал, всё что думал о Маняхе в совсем нелицеприятных для нее выражениях, выскочила замуж за первого посватавшегося к ней парня, благо родители Маняхи не бедствовали, и желающих привести в свой дом невесту с завидным приданым вполне хватало. Видимо одиночество подпи-

рало пышущую здоровьем и женской энергией молодую вдову и опять вспомнилось, казалось, давно похороненное бы-
лое, вот и вскинулась по старой памяти на Лизу. Лиза сыз-
мальства зналась с селянами, не кичась своим происхожде-
нием, но никто даже не пытался пересечь черту, разделяв-
шую их и ее круг, а уж Петр вообще был ее тайным анге-
лом-хранителем. Лиза, конечно, понимала, почему ее никто
не трогает из деревенских, ведь в лесах она не была защи-
щена ни от кого, ни от лихих людей, и залетных и местных,
в окрестных деревнях тоже не святые ангелы жили и что, ко-
му в голову стукнет при виде одинокой молодой девушки,
пусть даже графини... впрочем, их Лиза не опасалась, уходя
в леса с кольцом за поясом, ни от косых взглядов сельских
кумушек, совсем не одобряющих ее мотания по окрестным
лесам в поисках им не понятно чего и при случайных встре-
чах с нескрываемым недоверием и настороженностью, смот-
рящих ей вслед. Бабы, страшная сила, та еще необузданная
стихия, решат, что ведьма, в чем, им только самим понят-
ном, виновата: засуха или, наоборот, от дождей урожай по-
гнил, курыдохнуть стали или вообще померещится что-ли-
бо – жди лиха, все село взбаламутят и мужики им не управа,
соберутся, да суд скорый и решат, и неизвестно, как это ре-
шение обернется, потрепанным будешь – легко отделаешься,
останешься ли вообще жив после бабьего суда. А тут мас-
ла в огонь Лизина неукротимая тяга ко всему на ее взгляд
прогрессивному, что мода, что достижения техники. Стара-

ясь с юношеским максимализмом, в блаженной уверенности, что, если это так интересно ей, значит это должно быть интересно и другим, а значит необходимо привнести и показать это новое в селе, приобщить, тем самым, своих крестьян к европейскому прогрессу. Все ее устремления лишь пугали и настораживали местных кумушек еще больше, заставляя креститься и охать, нагнетая еще больше сплетен, то ли графиня с самим дьяволом сблизилась, то ли просто умом поехала и блаженненькой стала. Бабы, конечно, были за первый, а вот здравомыслящие мужики-селяне склонялись более ко второму варианту. Здесь и срабатывал авторитет ее сельского ангела-хранителя. Петр был негласным вожаком деревенской разбитной молодежи, и крепкий кулак у носа моментально обрывал любые попытки пацанов, да и парней по-старше, а красноречивый взгляд, наполненный непрошибаемым холодом, подобным образом действовал и на девчат с острым язычком, когда он жестко пресекал любые попытки сельчан потешаться над Лизой при ее обычном появлении в мужском одеянии в селе или, вот как совсем недавно, в чихающей дымом, извергающимся через узкую небольшую трубу, но самодвижущейся коляске, которая застряла, потом, на дороге, среди поля ржи и которую пришлось Петру тащить в усадьбу, впрягая под это дело своего мерина. А за обзывание Лизы ведьмой он и кумушке любой в ответе мог форы дать.

– Жених, – кричали ему в спину злые языки. А он лишь

загадочно улыбался, прекрасно понимая – по годам, да и по-
ложу руку на сердце, по тому же сердцу, может и жених, да
не судьба, знает он свое место, вот и нечего попусту сердце
рвать, а добродушную, чудаковатую сироту-графиню просто
жаль...

Лиза с Глашей прошли ближе к костру, улыбаясь, отве-
чая на кивки, короткие приветствия со всех сторон, и... Ли-
за не поверила своим глазам. Она, застыв на месте, пару раз
моргнула для большей уверенности в правдивости увиден-
ного. Нет, ошибки тут быть не могло. В толпе деревенских
парней, прямо перед ее озадаченным взором, возникла чу-
жеродная всему окружающему черкеска Ивана. Тот, совер-
шенно не замечая ее, да, впрочем, и не отвлекаясь на окру-
жающее, увлеченно жестикулируя, что-то рассказывал окру-
жившим его парням. Выглядел он уже вполне своим, пар-
ни слушали его байку, подступив вплотную, явно боясь про-
пустить хоть слово, раскрыв рты с горящими глазами, лишь
иногда задавая вопросы. Глаша бросила взгляд на застыв-
шую Лизу и, всё сразу поняв, смеясь, подбежала к Ивану.
Вот тут случилось вообще страшное, совершенно непонят-
ное, окончательно заставившее подумать Лизу о перевернув-
шемся мире. Глаша доверчиво прижалась к Ивану, преданно
заглядывая в глаза, а тот приобняв, Глашу, опять так интим-
но, как довелось уже однажды наблюдать Лизе, прошептал
ей что-то на ухо.

– Глаша и что всё это значит? – наконец, обретя дар речи,

как можно строже произнесла Лиза.

– Барыня, вы не сердчайте, меня Глаша пригласила, – добродушно улыбаясь, произнес Иван, между тем, он так и стоял перед Лизой, не опуская руки, не пытаясь освободить тонкую девичью талию.

– А что ж твой хозяин отпустил верного пса от себя? – ядовито произнесла Лиза.

– Зря вы, барышня, – ответил Иван уж совсем миролюбиво, совершенно расслабленно, не поддаваясь ее настрою язвить, – вы же об Андрее Николаевиче ничего не знаете. Он мне жизнь во время службы на Кавказе спас. Даром, что барин, сутки на себе полуживого тащил с чужой стороны. Он почитай с 16 лет в боях на Кавказе. Я, свободный казак, теперь ему верой и правдой, до конца жизни. Везде и повсюду за ним, может и как верный пес. –

Лиза молчала, что она могла ответить на это. Что она знала о них – об Андрее Николаевиче, об Иване, поглощенная с головой своим юношеским максимализмом, в штыки, принимая новых людей. Но ведь почему-то именно Андрея Николаевича папа выбрал ей в опекуны?

– Лизавета Дмитриевна, но мы пойдем, – и Глаша, осторожно освободившись от, так и лежавшей на ее талии, руки Ивана взяла своими узкими пальцами его широкую ладонь-лопату.

– Да уж, не задерживаю более, – а что оставалось делать, только и вздохнула Лиза. Иван с Глашей рука об руку пошли

к реке, теряясь за ярким пятном пространства, захваченного у ночи огнем костра, туда, в сумрак ивовых ветвей, которое надежно спрячет их от ненужных сейчас посторонних глаз, и лишь они, наедине, и только их глаза в глаза, и взволнованное дыхание, и бешеный стук сердца... Хорош! Вдруг одернула себя Лиза, что за кисельные мысли из кого-то французского романа. Лиза чуть нахмурилась, возвращая себя в окружающее... и неожиданно отчетливо, по-настоящему и совсем не романно, чувство какой-то легкой грусти и может даже... да, грешно, но правильно – зависти, неожиданно наполнило ее душу. Но она упорно качнула головой, стряхивая с себя это наваждение, и со звонким смехом привычно, разбивая с ходу, встроилась в живую нить хоровода, который вился вокруг большого костра.

– О, барынька, наконец-то, – приветствовал ее Петр, оказавшийся с одной стороны разорванного ею круга, – а я уж думал, куда запропали, и как это – праздник без вас, кому чучело жечь, я ж никого без вас к соломенной кукле и близко не подпущу. –

«Ну и, слава богу, что сразу и не заметил, иль отходил, куда за надобностью», – понеслись мысли в голове. Она и смотрела, уж больно смела Глаша была, уж больно вольно рука казака обнимала бока девушки, были бы рядом глаза брата...

– Поберегись! – зычный крик оторвал Лизу от всего, что так занимало ее до этого. Она, с пылающими от возбуждения

предстоящего зрелища глазами, рванула на самый край берега, чтобы охватить всю картину, всё это действие, занимающее ее всегда не меньше сжигания под гаснущими утренними звездами соломенного чучела. И не сдерживая себя, подпрыгивая, толкаясь босыми ногами в мягком, чуть прохладном, но таком ласкающем песке, в толпе таких же возбужденных, гомонящих молодых парней и девочек, она жадно смотрела, как пылающее колесо огненным вихрем покатилось по склону вниз к реке, следом второе и уже дружным ревом, заведенных действием, глоток, встретили третье и толпа молодежи, всей энергией молодых, полных активной жизненной силы тел, с вигами и хохотом, помчалась вслед огненному чуду, влетая в воды реки, в которых, шипя, гасли горящие колеса, исходя тут же растворяющимся в ночи облаком пара. Молодежь, визжа, барахталась в воде, старательно создавая босыми ногами столбы брызг. И уже купание с головой, и уже незатейливая игра брызг с предметом сердечного интереса, на которого ранее был «положен глаз», в процессе обмена острым словом у костра и одновременно, окатывая всех попавшихся под руку, или правильней, под устроенную рукой волну. Мокрые, довольные, кто-то даже вполне счастливый, от явно наметившегося там, в брызгах вод реки благосклонного внимания выбранного предмета сердечного интереса, чуть подуставшие в бурном выплеске молодых сил, постепенно, парни и девушки покинули ночные воды и разместились вокруг костра, согревающий мокрые тела в ощу-

тимо зябких объятиях второй половины ночи праздника.

– Доброй ночи! – неожиданное приветствие заставило всех обернуться, обрывая вновь завязывающуюся словесную игру. Из тени деревьев у самой кромки воды выскользнули два парня. Лиза не знала их.

– Кто ж таковы и откуда, добры молодцы? – бойкая Маняха, резво оторвав обширное сидалище от бревна, первая подскочила к незнакомцам.

– Да мы с мызы. С того берега, – махнул рукой в сторону реки ближайший парень. Рыжий, обутый в высокие сапоги, а не в лапти, как сельские, и несвежую мятую рубаху, почему-то сразу не понравился Лизе. Она быстрым взглядом скользнула по парню. Ага, вот оно... Прическа! Нет, не простой деревенской паренек стоял сейчас перед Лизой. Аккуратно, совсем по городской моде подстриженные рыжие волосы. Не тот, не тот парень, кем хочет казаться, и даже мятая рубаха, по-свойски выпущенная поверх холщовых штанов, не могла убить в Лизе какое-то предубеждение, мгновенно проявившееся при появлении незнакомца. Что-то неправильное во всем его облике было, фальшивое что-ли. И еще. В его фигуре, в манере держаться, в бегающих глазах, проskalзывало что-то неуловимо настораживающее и, даже, отталкивающее.

«Прямо хорек какой-то противный,» – мгновенно пронеслось в голове, определяя увиденное. А Рыжий уставился на Лизу, откровенно осматривая ее с ног до головы, с про-

явившейся на лице неприкрытой и делающей его более отталкивающим, вызывающей ухмылкой.

«Как будто задумал чего мерзкое,» – опять сформировалось наблюдаемое в мыслях.

– Заплутали мы, охотничали, да вот что-то не туда пошли. А тут смотрим – веселье. Можно к вашему костру? —

«Как же, – фырнула про себя Лиза, – ночью охотничали.»

– Проходите, чего-ж, доброму гостю завсегда рады, – затараторила толстая Маняха.

Второй парень – рослый, черный, крючконосый, похожий на ворона, (воронообразный, тут же определила его Лиза) сразу сел на бревно у костра. Бойкая молодница, мгновенно забыв о щуплом, устроилась рядом, и было начала расспросы, но Рыжий остановил ее, заявляя с той же, застывшей на лице, неприятной ухмылкой: – да не трогай его, нем он от рождения, а если хочешь чего, так знаками объясни, он не дурак, поймет, – и громко заржал.

– А к кому на мызу-то пожаловали, – спросила Лиза, вглядываясь в Рыжего, ну, стреляй ее, не нравились парни Лизе.

– Так я сродственник деда Матвея, давно он меня в гости к себе звал, вот я решил проверить родственничка, – и Рыжий, щерясь нагловатой улыбкой, подошел к Лизе.

– Глядите-ка, глядите-ка, какая краля в такой глухомани водится. Ну что, краля, давай знакомиться. —

– С чего бы, – фыркнула Лиза, но с чужаком, помня разговор Ивана с опекуном, так удачно подслушанным солнеч-

ным днем в стоге сена, следовало бы пообщаться. Рыжий откровенно наступал на нее, а Лиза, принимая игру, пятилась дальше от костра в сумрак ночи. Петр, недовольно хмуря брови, поднялся с бревна, глядя с беспокойством в ее сторону, но Лиза махнула ему рукой – всё в порядке.

– И на кого ж в такое время охотились. Сейчас только драные зайцы по лесам бегают, а за бекасами в другом месте на охоту ходить надо.-

– Да хоть и драные, – усмехнулся Рыжий, – ишь ты, в охоте толк знаешь, – не прекращая наступать на Лизу продолжал он, – а ты ничего себе, краля, пойдем, погуляем, – махнул парень в сторону зарослей ив и черемухи, ветки которых нависли над самой водой, образуя настоящие шатры. В тех зарослях немудрено было пропасть от всех. Но Лиза не сомневалась ни минуты.

«Всё краля, краля, в этих местах так и не говорят вовсе,» – наблюдение и мгновенный анализ увиденного продолжал работу мозгов Лизы.

Парень странный, это уж точно.

– Ну, пойдем, – уверенно убирая руку парня, пытавшегося приобнять ее, произнесла она.

– И вы только вдвоем на мызе-то? – не удержавшись, любопытствовала Лиза, ступая за парнем в еще устойчивый сумрак ночи.

– А ты любопытная. —

– Так сенокос самый, а вы тут вдвоем бродите.-

Они уже зашли в самые заросли и парень неожиданно резко развернул ее к себе и прижал телом к стволу ивы.

– Да ладно, краля, хватит глупости болтать.-

Он уверенно потянулся к ней с нескрываемым намерением одарить Лизу поцелуем, но ей стало так противно, до тошноты, которая ощутимым спазмом подобралась прямо к горлу, и она резко толкнула парня, что еще больше разозлило его. Он больно вцепился в ее руки.

– Что ты дергаешься, краля. Знаю я вас, деревенских, строишь тут из себя невинную, – Рыжий резко, за руку, подтянул ее к себе. И вот тут случилось совершенно неожиданное. Кто-то грубо, не церемонясь, одним рывком оторвал парня от Лизы. Лиза повернула голову, усиленно отворачиваемую от тянувшихся к ней губ парня. С еще брезгливым выражением, не успевшим сойти с ее лица, она молча смотрела на стоящего перед ней, явившегося невесть откуда собственной персоной, Андрея Николаевича. Подозрительно свежий, как будто и не ложился совсем, в ослепительно белой рубашке и светлых брюках, он возвышался над парнем. Видимо наблюдения Лизы имели под собой реальную почву и наклонности парня, прописанные на его лице при знакомстве с Лизой, действительно были не совсем благородными, поскольку Рыжий резко развернулся и в его руке блеснул нож, который он молниеносно вытащил из-за голенища сапога.

«Одержимый. На всю голову одержимый», – Лиза уже

не удивлялась скорости формирования в словесные образы увиденное глазами. Ясно, как божий день, только одержимый мог так разозлиться и, ощерившись, кидаться с ножом на незнакомого человека, не причинившего ему никакого вреда.

Андрей Николаевич, как всегда воплощение спокойствия, развел руки в стороны, показывая – он не вооружен.

– Да ты чего разошелся – то, – спокойно произнёс он, – мне всего лишь нужна моя подруга.-

Но парень, словно в его голове перемкнуло что-то, в ярости сверкая глазами, кинулся на графа. Лиза даже охнуть не спела, что-то сообразить и просто элементарно испугаться. Она моргала глазами и совершенно не понимала, каким образом парень оказался на земле, а опекун, выкрутив руку за спину Рыжего, из которой выпал нож, почти сидел на парне, вжимая того в уже мокрую траву от, проявившейся в прохладе второй половины ночи, росы.

– Что ж, ты неугомонный такой, я же тебе сказал, мне только нужна моя подруга, – голос Андрея Николаевича не изменился. Спокойная уверенность, он даже не запыхался.

– Я понял, понял, – прохрипел полностью обездвиженный Рыжий. Опекун поднялся и рывком поднял с земли парня, откинув для большей уверенности ногой нож в заросли ивняка.

– Успокоился? – миролюбиво спросил он.

– Да понял я, барин, – повторил парень, отряхиваясь, – больно уж она у тебя сладкая, – кивая в сторону Лизы, опять мерзко ухмыльнулся Рыжий, – дал бы, барин, попользоваться, у тебя девок – вон табун целый.-

Лиза слушала и цепенела от ярости. Ее, графиню Ланскую, оценивают, как простую девку, говоря в лицо такие откровенные гадости. Ее пробила мелкая дрожь омерзения. Конечно, и всенепременно опекун сейчас же на ее глазах одернет хама, а может даже ударит его, даст пощечину и вызовет на дуэль. Она, прикусив губу, сдерживая эту ярость, так и кипевшую в ней, смотрела на него, но Андрей Николаевич вдруг как-то по-новому, чуть приподняв бровь, совершенно не скрываясь, оценивающе, глянул на Лизу. Он с легкой полуулыбкой демонстративно, даже несколько театрально обошел ее, оглядывая с ног до головы, слегка касаясь рукой.

– А ты прав, действительно сладкая, – загадкой прозвучали его слова.

Лиза в полном недоумении смотрела на него. И что сейчас происходит, что вообще себе позволяет опекун, вот так, так... касаясь ее рукой. Так, что внутри что-то обрывалось, заставляя Лизу, забыв обо всем, смотреть на него, не отрываясь, и застыть с так и прикушенной губой. А Андрей Николаевич, не обращая внимания на Рыжего, вдруг наклонился к Лизе и, убрав рукой волосы, выбившиеся из косы, осторожно, нежно, еле ощутимым прикосновением тронул губами

кожу шеи. Лиза вздрогнула. Кажется, во французском романе это называется пикантным словом – поцелуй. Никто, совершенно никто до него не целовал ее, не касался ее губами, да еще так... ох, наверное, тоже, как во французском романе, так чувственно. Сердце стремительно ухнуло куда-то вниз, кружа голову, застучало в висках. Волна совершенно нового, ранее не испытываемого чувства, накрыла ее и она как-то удивленно и даже растерянно взглянула на графа, и совсем явственно на своем физическом плане ощутила, что-то случилось с ее душой – тонкая, такая хрупкая, еле-еле обозначенная ниточка протянулась к нему, и это было, так фантастически завораживающе...

– Ну, понятно, – полный сарказма голос парня вернул ее к действительности, – барин, забирай свою кралю, – и Рыжий шагнул в темноту деревьев. Граф с показной нежностью приобнял Лизу, твердо пресекая все ее попытки вырваться.

– Что вы себе позволяете, – шипела возмущенно Лиза, окончательно пришедшая в себя, становясь привычной Лизой, но граф наклонился к уху и прошептал, – не дергайтесь, он наблюдает, – и уже громко добавил, – пойдем отсюда скорей, – он вцепился в ее руку и буквально потащил все-таки пытающуюся сопротивляться Лизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.